

Рейн-Ридж —
22 мили ➔

ДВАДЦАТЬ ДВЕ МИЛИ ДО ТЕБЯ

18+

САРАН ЛАМАЛЕ

SARAH JAMALE

Двадцать две мили до тебя

«Автор»

2026

JAMALE S.

Двадцать две мили до тебя / S. JAMALE — «Автор», 2026

После смерти мужа Эвелин находит то, чего никогда не должна была увидеть. Эта находка приводит её в забытый посёлок среди леса, где живут всего несколько человек и где у каждого есть свои тайны. Там она встречает Майка. То, что начинается как случайное знакомство, постепенно становится чем-то гораздо большим. Но одна потерянная записка меняет всё. Пока Эвелин ждёт вестей, Майк отчаянно пытается найти дорогу обратно к ней. Слишком легко потерять человека, который успел стать для тебя целым миром. И слишком трудно сохранить надежду, когда судьба снова и снова испытывает её на прочность. Эмоциональный роман о втором шансе, судьбоносных встречах и любви, которая не сдаётся даже тогда, когда весь мир говорит, что уже поздно.

© JAMALE S., 2026

© Автор, 2026

SARAH JAMALE
Двадцать две мили до тебя

Глава 1

Двадцать две мили до тебя

Sarah Jemale

УДК

ББК

Sarah Jemale. Двадцать две мили до тебя. Роман. — Алматы, 2026. — 166 с.

После смерти мужа Эвелин находит то, чего никогда не должна была увидеть.

Эта находка приводит её в забытый посёлок среди леса, где живут всего несколько человек и где у каждого есть свои тайны.

Там она встречает Майка.

То, что начинается как случайное знакомство, постепенно становится чем-то гораздо большим.

Но одна потерянная записка меняет всё.

Пока Эвелин ждёт вестей, Майк отчаянно пытается найти дорогу обратно к ней.

Слишком легко потерять человека, который успел стать для тебя целым миром. И слишком трудно сохранить надежду, когда судьба снова и снова испытывает её на прочность.

Эмоциональный роман о втором шансе, судьбоносных встречах и любви, которая не сдаётся даже тогда, когда весь мир говорит, что уже поздно.

ISBN

УДК

ББК

©Sarah Jemale, 2026

*Где есть любви хотя бы капля,
там есть терпенья океан*

Глава I

Эвелин уже парковалась возле офиса, когда обнаружила, что забыла дома ноутбук.

Она закрыла глаза.

— Вот же...

Развернув машину, она поехала обратно. Путь был неблизким, но мысли, кружась друг за другом, незаметно стирали расстояние. Она вынырнула из них только у собственного дома.

Она открыла входную дверь беззвучно, чтобы не разбудить Филиппа. В доме было тихо. Негромко тикали настенные часы.

Она сняла туфли и уже хотела пройти в прихожую, когда услышала лёгкий скрип.

Дверь кабинета была приоткрыта. Всего на ладонь. Сквозняк едва заметно качнул тяжёлое полотно.

Эвелин остановилась.

Странно.

Филипп никогда не оставлял двери кабинета открытым. Никогда. Даже если просто сидел у окна с книгой. Или курил. Или работал. За несколько лет совместной жизни она ни разу не входила туда без стука.

Она тихо подошла к двери и застыла от увиденного.

Широкие плечи мужа вздрагивали. Голова его опущена, руки до красноты сжимали край каминной полки. Сгорбившись, он глухо и сдавленно рыдал, как человек, потерявший больше, чем жизнь могла возместить, а затем застыл, как статуя.

Эвелин не знала, сколько времени так простояла. Секунды растянулись в вечность. Воздух насытился его слезами и пахло чем-то глубоко личным. Ей бы уйти, отступить, будто тень, которую никто не заметит, но ноги прибились к полу.

Внезапно Филипп выпрямился, но прерывисто задышал. Он вытер лицо рукавом рубашки, провёл ладонью по щекам. Подняв голову, он уставился на то, что стояло на камине.

— Что? Погребальная урна?! Откуда?

Прикоснувшись лбом к керамической стенке сосуда, он закрыл глаза, будто хотел услышать оттуда голос и почувствовать тепло, которого больше не было.

Острое лезвие полоснуло по сердцу Эвелин.

— Кира... — невольно сорвалось с ее губ. Это слово, запертое на долгие годы в клетке молчания, вдруг забыв страх, вылетело наружу. Оно прозвучало шёпотом, но отдалось эхом в каждой клеточке тела.

Эвелин резко втянула носом воздух. «Неужели?..»

Злорадная мысль застряла в голове, как заноза, и вдруг по венам чернотой расплзлось странное чувство. Она с ужасом закрыла глаза, и тут её осенило. Это были слезы безумной, всепоглощающей любви. Только не к ней. Её муж плакал из-за смерти той, которая была его тайной. Его страстью. Его выбором.

К ее горлу поднялся колючий горький комок, стало тяжело дышать.

А ведь я годами строила наш дом. Терпела холод, молчание, долгие взгляды вдаль. Писала его статьи. Встречала с работы. Ложилась спать одна. Верила, что настоящая любовь должна быть незаметной.

Застыв по ту сторону двери, Эвелин ждала. Ждала, когда справедливый гнев бурей ворвётся в грудь, когда ненависть заставит её сорвать кольцо и швырнуть его в стену, чтобы оно звякнуло, как последнее «прощай». Вычеркнуть его из своей жизни навсегда!

Но этого не происходило. Ненависть трусливо пряталась, насмешливо виталкивая вперёд обиду, накопившуюся за все те годы, что она была лишь привычкой человека, которого любила.

Эвелин так и не смогла его возненавидеть. Её окающая любовь не умирала: из последних сил цепляясь за жизнь, она мутировала. Став чем-то тёмным и больным, она пульсирующим зудящим сгустком зависла между желанием уйти и страхом потерять то единственное, к чему привязалась сердцем. И в этом молчаливом аду она осталась одна. Даже живя рядом с человеком, которого всё ещё называла мужем.

Резкий всхлип вырвал её из водоворота мыслей и вернул в реальность так стремительно, что по плечам пробежала дрожь. Филипп стоял в оцепенении, продолжая обнимать урну.

«Теперь всё понятно. Киры больше нет. Остался только прах, навечно запечатанный в глиняной банке», — промелькнуло в голове. — «Теперь он... Свободен?!»

Мысль встрепенулась, словно птица на ветке.

Надежда...

Призрачная, тонкая, как паутинка, готовая разорваться от малейшего дуновения ветерка.

Теперь же судьба безжалостно вывернула её душу наизнанку и оставила, чтобы она видела, как любимый человек оплакивает другую.

Смерть Киры не смогла унять боль. Она сделала её ещё острее, разбудив в ней постыдную и мерзкую зависть. Холодное молчание воцарилось вокруг, заперев измождённое сердце Эвелин в башне из осколков её жалкой жизни.

Эвелин сглотнула. Ком в горле был такой большой, что ей показалось, что она проглотила что-то твердое и большое.

Где-то в душе, далеко, как ядовитый дым, уже начала стелиться доселе дремавшая змея злорадства. Растревоженная, она подняла голову и медленно душила всё, до чего могла дотянуться.

— Так тебе и надо... Тварь!

Эвелин прикусила губу. В ушах звенело, лёгкие судорожно сокращались, ожидая нового вдоха, но грудь сдавило так сильно, что вместо отчаянного крика раздался лишь сиплый хрип.

Как можно радоваться чужой смерти?!

«Нет!...» — хватая себя за горло, Эвелин пыталась дышать. Душа сопротивлялась, прогоняя чёрную мысль. Вокруг беззвучно хохотала тишина, глумясь над её грехопадением немым укором совести...

Все ещё стоя в дверном проёме, она чувствовала, как затекали ноги, каменела спина. Нужно просто уйти. Оставить всё как есть. По телу разливалась усталость, подобная той, какая приходит после долгой борьбы с волнами, когда вдруг наступает штиль и оказываешься посреди бескрайнего пространства, где не чувствуешь ничего, кроме пустоты и понимания, что ты выжил, но стал другим.

Наконец Эвелин сделала глубокий вдох. Долгий, протяжный выдох. Вспливы в кабинете прекратились. Филипп все также стоял в оцепенении. Его пальцы, судорожно дрожа, сжались на холодной керамике. Он нежно поставил урну на полку.

Секунда. Другая. Третья...

Эвелин молчала, как и всегда. Филипп выпрямился и устремил взгляд в сторону приоткрытой двери.

Их взгляды встретились...

Он смотрел на Эвелин так, как смотрят в окно зимним вечером, когда за стеклом — другой мир, холодный, гордый и чистый, как вершины заснеженных гор. В его взгляде не было мольбы о прощении. Было простое молчание, и в этом молчании были все ответы. Да, она всё поняла.

Эвелин отшатнулась. Ничто не могло вернуть того, чего больше не осталось. Ни в доме, ни в сердце, ни даже в воздухе. Он уже никогда не будет таким, как прежде. Она тоже. Что-то внутри обоих разбилось, оборвалось, и сколько бы времени ни прошло, шрамы останутся... Навсегда.

Филипп тихо опустился на край кресла. Уткнулся ладонями в лицо и прошептал что-то. Что именно, Эвелин не смогла разобрать. Может быть, чьё-то имя, может, молитву, а может, прощался с частью самого себя. Растерянный, он словно не знал, имеет ли теперь право быть здесь, рядом с ней, после того как она увидела его разбитым, предавшим, но настоящим.

Эвелин взглянула на Филиппа, как на незнакомца, и сделала шаг назад. Потом ещё. Медленно и бесшумно отступила. Оперлась спиной о стену и закрыла глаза, тяжело дыша. Руки не слушались, пустившись в предательскую пляску, в горле набух обжигающий клубок невысказанных слов. Простояв так несколько минут, она на цыпочках выбежала из дома.

Плюхнувшись на водительское сиденье, Эвелин хлопнула дверью машины. Дрожь во всём теле не унималась. В груди жгло перцем. Дыхание путалось. Сердце замерло, будто забыло, каково быть живым. Стоявшие в уголках глаз слёзы, едва сдерживаемые усилием воли, хлынули солоноватым тёплым потоком, освобождая крик отчаяния, который, раненой птицей взмывая ввысь, снова и снова разбивался о водную гладь.

Где-то в вышине кружили чайки. Не знакомые с душевной болью, они парили не спеша, блестя своими белоснежными крыльями. Эвелин смотрела на них сквозь мокрые, слипшиеся от влаги ресницы.

— Хотела бы я так... Легко... Без привязанности к тому, чего уже не вернуть, — она вытерла растёкшуюся по щекам тушь и шмыгнула носом. Её сломанные крылья остались там, у порога, где больше никто не ждал. Она окончательно потеряла его.

Эвелин повернула ключ зажигания, включила передачу и нажала на газ. Жгучие капли продолжали стекать по подбородку. Не обращая внимания на изгибы дороги и шум мотора, глазами она упорно искала Филиппа в каждом уголке, в каждой тени, в каждом вздохе океана, в каждом шелесте ветра...

Глава

II

В тот день, поздно вечером, Эвелин всё-таки вернулась в свою милую просторную тюрьму. В доме было тихо. Она заглянула в кабинет. Сквозь неплотный стык тяжёлых штор пробивался последний луч заходящего солнца, окрашивая стены в мягкую бронзу.

Филипп всё ещё лежал на диване, свернувшись калачиком, словно пытался спрятаться в скорлупе собственного тела. Пальцы судорожно сжимали плед. Веки вздрагивали, губы беззвучно шептали что-то, будто во сне он воевал, проигрывая сражение снова и снова. Эвелин стояла и смотрела на него не без капли сочувствия. Перед ней был человек, потерявший всё. Абсолютно всё, кроме неё.

— Филипп... — Эвелин осторожно потрясла его за плечо. — Вставай, уже вечер.

Он открыл покрасневшие глаза и смотрел куда-то мимо неё.

— Ты вернулась, — тихо прохрипел он.

Рука потянулась к его седеющим волосам, но вдруг замерла. Слишком далеко, чтобы стать прикосновением. Ей хотелось прижать голову Филиппа к себе, как делала раньше. Когда он был просто мужем, уставшим или больным. Но он больше не принадлежит ей, даже если рядом...

Эвелин отдернула руку резко, будто обожглась. Посмотрела на него долгим и тихим взглядом. Не было осуждения, но и прощение не приходило. Только усталое «я здесь».

— Голова целый день гудела. Кажется, давление снова поднялось, — сказал он севшим голосом, пряча покрасневшие глаза.

— Нельзя на закате спать. Голова разболится. Может, в душ сходишь?

Филипп кивнул. Опустив босые ноги на пол, он сел. Потирая виски кончиками пальцев, тяжело вздохнул. Эвелин взглянула на него и молча вышла из комнаты. Филипп так и остался сидеть, подпирая лоб руками.

На кухне царил полнейший хаос из полупустых бутылок с недопитым виски, коробок от пиццы. Собрав весь мусор, Эвелин принялась за ужин. Почистила и помыла овощи, достала мясо из холодильника, медитативно сосредоточившись на готовке.

— Ты сегодня рано приехала...

От неожиданности нож выскользнул из рук, остриём пройдясь по пальцу. В дверях стоял Филипп в банном полотенце и тапочках.

— Забыла кое-то, — холодно ответила Эвелин, оторвав ото рта порезанный мизинец. — А что?

Филипп мотнул головой. Оба молчали, словно играли в детскую игру, и заговорить значило проиграть. Великих трудов стоило не поддаваться искушению и не нарушить тишину: «Ты любил её? Кем я была для тебя?» Но она не стала озвучивать эти мысли, так как ответ был известен. Часть её продолжала любить его. Глупо, безумно. Филипп знал об этом и продолжал вести двойную жизнь. Вот уже почти пять лет их совместного бытия. Каждое невысказанное слово становилось кирпичом в глухую стену лжи и взаимных обид, день за днём поднимавшуюся между ними.

После того вечера, когда взгляды их встретились в дверном проёме, удушающая тишина легла на дом, как тяжёлое бремя. Это было не просто отсутствие звуков. Это была пауза между двумя ударами сердца, разделяющая «до» и «после».

В тот день Филипп за весь вечер не проронил ни слова. Дорога в спальню, где когда-то он шептал на ухо Эвелин нежные глупости, где она смеялась, уткнувшись в его плечо, теперь

заросла колючими зарослями. Там пахло её болью. Её потерянном сном и тягостным безмолвием.

Подхватив свою подушку, он направился на диван у камина. Расправил одеяло, словно был не дома, а в отеле. С каменным, ничего не выражающим лицом, добровольно затворяясь в любимой тюремной камере, захлопнул дверь в кабинет. Прямо перед ней. Раздался тугой скрип дверных петель, оглушительный щелчок замка. Она не остановила. Смотрела, как он уходит, как отворачивается. Всё, что она могла — стоять немой изваянием, сжав кулаки, чтобы не протянуть руку, которая безудержно тянулась к нему. Чтобы не умолять остаться того, кто, даже не уйдя, давно уже ушёл...

Ночью Эвелин не спала. Слушала, как он, бурча что-то себе под нос, ходил по комнате тихими, полными скорби шагами. Иногда звук одинокой ноты прерывал тишину, возвращая его к жизни. Потом снова наступала мёртвая тишина. Она лежала в постели, осязая вокруг пустоту, словно из дома вынесли всю мебель.

С первыми лучами солнца сквозь занавески стал пробиваться свет, чужой и навязчивый. Он не щекотал лицо ласковым прикосновением, как раньше. Он напоминал: «День начался, а ты всё ещё здесь. Всё ещё одна». Она продолжала лежать, глядя в потолок, не двигаясь. Тело будто бы не принадлежало ей. Оно стало тяжёлым, как мешок песка. Она знала, что он там, всего в нескольких шагах. Но земля под ногами разверзлась и берега разошлись. Возведённая между ними за последние годы стена обрушилась в зияющую дыру с огромной чёрной пастью, готовую проглотить всё.

Эвелин бессознательно провела ладонью по подушке. Холодной и пустой. Её жизнь больше не будет прежней. Никогда.

«Надо бы приготовить кофе с сэндвичами», — мелькнуло в голове. «Идиотская мысль!» — возразил внутренний голос. Но мечта о совместном завтраке вселила глупую надежду: они могли бы хоть немного посидеть вместе за одним столом.

Вскочив с постели, она поспешно накинула одиноко висевший на спинке стула шёлковый халат и без промедления направилась вниз на кухню. Перила деревянной лестницы приятно отзывались теплом на ладони, короткий ворс ковра щекотал босые ступни — тапочки так и остались стоять у кровати.

Филипп был в прихожей. Поверх мягкой рубашки былакинута старая ветровка. От стрелок на брюках, без которых он не мог даже шага ступить, не осталось и следа. Поздоровался кивком головы. Не как муж, знавший её с юности, а как незнакомец, случайно оказавшийся с ней под одной крышей.

— На работу? — тихо спросила она, притворно пытаясь сохранить обыденность.

— Нет, — отрезал он севшим голосом, не поднимая головы. Его руки спрятались в карманах, словно испуганные зверьки. Затем вынырнули, чтобы бессмысленно повиснуть вдоль тела.

Филипп снял лёгкую куртку с вешалки и торопливо вышел из дома. Виновато прикрыл за собой дверь. Эвелин проводила его глазами. Всё ясно: он шёл в ту квартиру, где жила она. Туда, где он проводил с ней последние дни. Где плакал над её телом и где, возможно, всё началось и всё закончилось.

Эвелин стояла у окна и смотрела ему в спину. Он шёл, не оборачиваясь, как раньше, по десять раз, отправляя воздушный поцелуй. Она не могла понять, что чувствует в этот момент. Обиду? Любовь? Сострадание? Или всё сразу? Ей казалось, что она попала в вихрь, где нет ни верха, ни низа. Только страх и безысходность. Душу вдруг охватила старческая усталость. Словно Эвелин прожила не пятьдесят, а все сто лет. Будто вся жизнь вытекла по капле, оставив одряхлевшую оболочку. Не было завтрашнего дня. Он тоже ушёл вместе с ним. На руках остался лишь пепел. Чёрный, липкий, рассыпающийся между пальцами, оставляющий грязный след.

К дому подъехало такси. Филипп уехал.

Один за другим шли дни.

Эвелин тысячу раз брала мобильник. Дрожащий и нерешительный указательный палец повисал над его именем. Она яростно швыряла телефон, но тут же снова бежала, чтобы поднять его с пола.

«Работает... Слава богу! Не сломался», — облегчённо вздыхала она, сжимая в руках свой гаджет.

Через месяц Филипп всё-таки позвонил. Ближе к вечеру. Она сидела на террасе, укутавшись в плед. Ей казалось, что дует ветер, но он был внутри. Каким-то чудом она услышала звонок, доносящийся с кухни. Не мелодию, а скорее вибрацию в груди. Сердце среагировало раньше ушей. Эвелин резко повернула голову.

— Чёрт!..

В шейном позвонке послышался лёгкий хруст, похожий на щелчок старых часов. Затем последовала слабая, но ноющая упрямая боль. Она поднялась с кресла. Ноги сами понеслись на кухню, но она споткнулась о край дорожки, лежащей на полу. Тело накренилось, руки взметнулись. Но она не упала, наоборот, выпрямилась в движении. Только бы добраться, только бы успеть ответить!

Мобильник, будто стыдясь долгого молчания, теперь упрямо звенел. Бил во все колокола, чтобы реабилитироваться. На синем экране высветилось имя. Его. Но в это мгновение это было не просто имя, а дверь! Приоткрытая и дрожащая... Ведущая либо к свету, либо к окончательной тьме.

Эвелин замерла на секунду. Но в эту секунду уместилась целая жизнь — день, когда он впервые взял её за руку, тишина последних ночей, пепел на ладони... И этот забег с перехваченным дыханием.

Похолодевшим пальцем Эвелин неуверенно провела по экранному стеклу. Ей казалось, что неосторожное прикосновение может навсегда стереть его имя, как надпись на запотевшем окне. Но, к счастью, телефон продолжал звонить.

— Аллю, — вырвался её хриплый голос, одичавший и за эти дни забывший, как звучать по-человечески. На другом конце прозвучала напряжённая тишина, готовая обрушиться ей на голову всей своей грозовой мощью. Тяжёлое, до боли знакомое дыхание.

— Эвелин...

Вот она, та самая знакомая, смиренная нота, что всегда сопровождала его «прости». Ни одного звука не сорвалось с её губ. Несказанные слова уже разрослись, как плесень, и перекрывали доступ воздуха.

— Как ты? — прошептал он.

Не услышав ответа, он пробормотал:

— Я не знаю, куда идти и что делать...

Эвелин закрыла глаза.

— Эвелин?

— Ты знаешь дорогу...

Наступила тишина. Эвелин сглотнула слезу.

— Мне нужно многое сказать...

Эвелин кивнула. Опять промолчала, хотя внутри всё кричало. Она просто ждала, зная, что он там. Там, где ей нет места, и где он пытается собрать из осколков то, что уже никогда не будет целым.

— Эвелин? Прошу тебя, только не молчи...

— Приходи. Это всё ещё и твой дом тоже, — сделав над собой усилие, с трудом проговорила она.

— Спасибо... За всё, дорогая...

Эвелин снова замолчала.

— Дорогая?

Внезапные частые гудки вывели из оцепенения. Телефон выскользнул из ослабевших рук и звякнул, приземлившись на кафельный пол. Эвелин стояла на кухне, еле дыша, захлёбываясь слезами. Казалось, что воздух вокруг вибрировал, задевая струны душевной боли.

«Спасибо за всё, дорогая! Как будто я не жена! Не женщина, чьё сердце он разбил вдребезги, а... гостеприимная хозяйка, подавшая пальто и проводившая до двери»,

Внутри Эвелин всё дрожало и начинало кипеть. Когда Филипп произнёс эти слова, она хотела крикнуть: «За что благодаришь? За молчание? За то, что не устроила сцену и стала тихой тенью?»

Видимо, ему было невыносимо тяжело оставаться в доме, где её молчание было страшнее, чем сама смерть. Вот почему он ушёл. Ему было бы гораздо легче, если бы она устроила скандал или прогнала. Но она молчала. Её немой крик был бы для него пыткой. «Приходи», — ухмыльнулась она, вспомнив свои слова. Глупо и бессмысленно. Ведь он придёт не к ней. Он придёт за ответом на вопрос: «Что теперь?» и будет стоять на пороге, как тогда, в первый раз. Робко и нерешительно. С букетом полевых цветов. Наверное, со страхом в глазах. Только ведь теперь цветы будут с чужой могилы. А страх — не перед отказом, а перед тем, что уже ничего нельзя исправить.

Она подошла к окну. Ночь окончательно легла на землю. Ни звёзд, ни луны. Только туман. «Не знает он, куда идти, — фыркнула она. — Но я ведь тоже не знаю, что делать». И все же...

Эвелин подобрала свой телефон. По экрану пошла трещина. Надо бы побереечь его. На случай, если позвонит снова.

Глава

III

Прошла неделя. Вторая. Эвелин уже не могла выносить тягостную тишину, в которой умирало всё, что когда-то называлось их жизнью. После того звонка Филипп снова пропал. Терпеливое ожидание Эвелин сменилось яростью.

Сев в машину, она поехала туда, где они когда-то прятались от неё.

Дорога вела вперед, а мысли — назад.

«Что мне сказать? Филипп, я пришла, потому что больше не могу жить без тебя? Нет, не то! Ты думал, что я не знала? Нет, не стоит так... А что, если... Скажу: я пришла, потому что ты перестал звонить... Скажу, что волновалась... Нет. Глупо. Как будто всё, что было — не измена, не боль, а просто тревога!»

Эвелин сбросила скорость. Впереди уже виднелся их дом.

Остановив машину, она тяжело задышала. Подняла взгляд на балкон, где Филипп, возможно, обняв другую, курил любимую сигару.

«Вот тот балкон на шестом этаже... Видите? С цветами в горшке», — прозвучал в голове голос детектива.

«Может, вернуться?» — засомневалась она, но передумала.

Обратной дороги не было. Так человек, стоящий на краю моста и уже решивший прыгнуть, продолжает цепляться за парапет.

«Войду. Взгляну в глаза и спокойно скажу: не проси прощения... Слишком банально! Или так: всё кончено. Пойдём домой и постараемся всё забыть».

— Нет, так тоже не пойдёт, — сказала она вслух. — Так нельзя. Я — его прошлое. Он всегда будет помнить о ней.

«Конечно, я бы хотела постараться всё забыть и начать с чистого листа. Но как можно забыть? Нет, это будет ложью. Устала молчать! А что, если буду честна? Скажу: вернись, не знаю как жить без тебя! А он обнимет и всплакнёт. Скажет: прости, не знал, примешь ли ты меня».

— Фу, — вырвалось у неё. — Какая жалкая картина! Я не хочу, чтобы он возвращался из жалости. Хочу, чтобы он... Хотел меня, нуждался во мне, — воскликнула она и с силой ударила кулаком по рулю.

Растирая покрасневшее ребро ладони, она зажмурилась и откинулась на подголовник сиденья, втянула ноздрями воздух.

«Позвоню в дверь. Он откроет. Скажу: привет, просто хотела убедиться, что ты жив». Он смущённо кивнет и пропустит вперёд. Я улыбнусь. Холодно. Скажу: ну, раз жив, значит, всё хорошо. Пришла сказать, чтобы ты убрал этот прах из моего дома, пока не слила в унитаз. Развернусь и уйду».

«Какая же дура!» — пронеслась мысль. Она закрыла лицо руками. *«Просто зайду. Дальше буду действовать по обстоятельствам».*

Последнее решение показалось наиболее адекватным.

Схватив сумочку, лежавшую на пассажирском месте, она вышла из машины. Снова мельком взглянув на балкон, Эвелин решительно зашагала ко входу. На шестом этаже она остановилась, чтобы перевести дыхание. Квартира как раз напротив лифта.

Эвелин тихо подошла и протянула руку к звонку. Сердце колотилось. Странно, но дверь оказалась открытой. Как будто Филипп ждал кого-то или перестал заботиться о том, чтобы двери были закрыты.

Внутри царила та же тишина, что и в их доме. Но более личная, почти интимная. Воздух был насыщен резкими запахами: лекарств, женских духов и чем-то ещё, что Эвелин не могла определить. Что-то, напоминающее о болезни, о страдании, о смерти. На полу в гостиной неподвижно лежал Филипп. Глаза полуоткрыты. Его живое лицо, которое раньше выражало тысячу разнообразных эмоций, теперь превратилось в застывшую маску страдания, молчало и утратило искру. Пальцы крепко сжимали ручку. Рядом лежал раскрытый красный блокнот, с которым он не расставался после смерти Киры. Страница была заполнена размашистым, но уверенным почерком.

Но ведь Филипп никогда не работал на полу... И это было не похоже на инфаркт или инсульт.

Она точно знала.

— Филипп, — прошептала Эвелин в ужасе. — Филипп!..

Прильнув к оцепеневшему телу мужа, она положила его голову себе на колени. Погладила волосы. Целовала в лоб, в щеки, в перекошенные губы. Смотрела на его лицо, искажённое болью.

— Филипп, прошу тебя, не умирай! Не покидай меня, — тихо причитала она, всхлипывая. — Я не смогу жить без тебя!

Филипп попытался что-то сказать. Нижняя губа чуть шевельнулась.

— Что ты сделал с собой?! Зачем?! Сейчас, я вызову помощь. Ты поправишься!

Но Филипп молчал. Его губы побледнели и постепенно начинали синеть. Кожа холодела. Всё тело напрягалось, будто в последнем усилии боролось за призрачную жизнь.

Вызвав парамедиков, Эвелин глядела на снежно-холодное лицо Филиппа.

— Филипп... Ты меня слышишь? Всё будет хорошо, ты не умрёшь!

Но она уже не верила собственным словам. Филипп уже одной ногой был в могиле. Упав рядом с ним на колени, Эвелин трясла его за плечи, хлопала по щекам. Прильнула к груди, чтобы услышать сердцебиение. Вдруг под рукой она ощутила что-то маленькое и твёрдое, выкатившееся из-под его тела. Она замерла. Рядом с согнутой ладонью лежал пустой пластиковый флакон. Без этикетки. Взгляд скользнул от флакона к его лицу. Пазл сложился мгновенно. «Трусливый выбор», — прозвучал ледяной шелчок в голове.

В сознании, как ураган, носились обрывки мыслей: «Как всегда проявил слабость. Выбрал самый лёгкий путь. Если его найдут, то будет вскрытие. Затем полиция, журналисты с гадкими вопросами». Перед глазами бежали газетные заголовки:

СЕНСАЦИЯ!

КОМПОЗИТОР-САМОУБИЙЦА В ЛОЖЕ ЛЮБОВНИЦЫ

— Ах ты, сукин сын! — вырвалось у неё. В этот момент она почему-то вспомнила о его привычке плохо смывать за собой. Сейчас он поступил также... Оставил дерьмо.

— Газеты. Заголовки. «Композитор-самоубийца». Смех за спиной. Нет уж, — с ужасом в глазах прошептала она и взглянула на него.

Уже бездыханное тело Филиппа лежало, будто манекен, сброшенный с витрины. Одна рука закинута за голову. На бледной коже местами начинали проступать сероватые пятна. Чуть приоткрытые застывшие глаза смотрели в потолок. Они уже не омрачались тенью постоянной тревоги, вины и тоски. Из приоткрытого рта выглядывал край зубов. Пальцы, некогда легкокрылыми бабочками порхавшие по клавишам, застыли в нелепом согнутом положении.

«Эгоист. Даже не подумал обо мне, — со злостью думала она. — Нет уж, засранец. Не позволю! Умрёшь так же, как и жил. Прилично и респектабельно. Прикрою тебя молчанием в последний раз. От остановки сердца умрёшь... Не как трус, а как подобает благородному мужу!»

Руки Эвелин потянулись к флакону. Молниеносно схватив бутылочку, она инстинктивно оглянулась, будто её застали на месте преступления. Не думая, сунула в карман. Флакон пре-

дательски выдавал себя, подозрительно торча. Тогда она резко развернулась, подошла к своей сумочке, лежавшей у окна, и засунула улику на самое дно. Закрывает замок тихим щелчком. Теперь доказательств не было.

— Вот, теперь порядок, — Эвелин потёрла ладони друг о друга.

Раздался настойчивый звонок в дверь.

— Войдите! — крикнула она. — Мы здесь...

Дверь распахнулась. На пороге стояли двое. Гладко выбритый мужчина средних лет в форме врача скорой помощи и молоденькая девушка в синей форме медсестры.

— Парамедики? Слава богу!

— Это господин Филипп Хикман? — быстро спросил врач, доставая небольшой фонарик и приближаясь. Его голос был деловым, лишённым эмоций.

— Да.

— Композитор?

Эвелин взглянула на хозяйку тихого вопроса и кивнула. Та прикрыла рот ладошкой.

— Кто вызывал? — спросил мужчина.

— Я, его жена. У него было больное сердце. Два инфаркта. Последние дни... Он был не в себе. Работал много... Не жалел себя.

— Всё в порядке, миссис Хикман. Мы здесь. Нам нужно осмотреть пациента.

— Мэм, какие препараты он принимал? Сердечные принимал?

— Да, кучу таблеток всяких... Но в последнее время он их забросил. Говорил, что они мешают работать, — спокойно ответила она, глядя в окно.

— Аптечка в ванной пустая. Странно! — воскликнула медсестра, выглядывая из ванной.

«Господи, не заметила...» — испугалась Эвелин, сжавшись в комок.

— Стресс. Гипертония. Отказ от терапии, — махнул рукой врач. — Классика. Оформляем как инфаркт, — голос врача стал совсем тихим. — Мне очень жаль, миссис Хикман... Он умер.

Умер.

Слово повисло, как последний выдох в комнате, где давно не открывали окна. Эвелин не заплакала, не пошевелилась. Даже не проронила скупую слезу, так как всё, что могло вытечь из неё, уже вытекло с годами. Она закрыла усталые глаза. И впервые почувствовала глубокое облегчение: «Больше не будет плакать над прахом. Незачем больше прятать глаза. Ему не придётся больше жить этой ложью. Ушёл».

Медсестра сочувственно положила руку на плечо.

Но Эвелин даже не подняла глаз. Сделав своё дело, медики ушли. Эвелин осталась с Филиппом. Он теперь всецело принадлежал ей. Только ей...

— Я подарила тебе хорошую смерть, Филипп. Гораздо лучшую, чем твой выбор. Теперь ты — мой должник, — сказала она, опустившись рядом и прикрыв его похолодевшие веки.

Взгляд, блуждающий в поисках хоть какой-то точки опоры, упал на красный блокнот. Дневник Киры... Эвелин задержалась на одной из страниц, где были написаны следующие строки:

Я проклинаю нашу любовь, Филипп. Она... смирилась, но ты до сих пор не можешь сделать выбор. Ты обманул нас обеих!

— Идиоты... — процедила она сквозь зубы, швыряя дневник в угол. — На чужом горе счастье строили...

Эвелин поднялась, отряхнув колени. Тело на полу больше не было Филиппом. Это была туша, которая подлежала немедленной утилизации. «Пора звонить в похоронное бюро. Отправлять его в последний путь».

В дверь постучали ровно в назначенный час.

Двое качков в отглаженных тёмных костюмах вошли, едва кивнув.

— Наши соболезнования, миссис Хикман. Вам будет проще, если вы подпишете здесь и здесь, — сказал тот, что постарше, протягивая планшет с ручкой.

Его голос был приторно-глянцевым, как поверхность гроба. Эвелин подписала, не глядя на бумагу. Ритуальные агенты работали беззвучно и слаженно, как хирурги на операции. Раскрыли чёрный виниловый мешок на молнии. Переложили тело Филиппа с пола на носилки. Звук застёгивающейся молнии прогремел в тишине громче выстрела. Когда они покатали носилки к выходу, Эвелин заметила, как ножка дивана на мгновение задержала колесо носилок. Один из них освободил колесо, сильно дёрнув, и двинулся дальше. Ничто не могло задержать эту процессию. Ничто, даже она. Дверь закрылась, и гул лифта стих.

Наступила стерильная тишина, как в палате после выписки пациента. Эвелин подошла к окну. Чёрный фургон аккуратно выруливал со стоянки. Филипп уезжал...

Закрыв дверь, она спустилась на улицу и села в машину. Руки сами завели мотор. Механика тела работала, пока сознание пыталось собрать осколки того, что только что произошло. В этой какофонии вдруг отчётливо прозвучало: «Что с нами стало? Лучше бы жили в той крошечной квартире. Он играл на старом пианино, которое еле держалось на ножках. Я варила кофе в кастрюле, на турку денег не было»....

Потом пришёл успех. С ним — новые лица, новые имена, новые заботы.

Затем Кира...

«Когда это началось, Филипп? Как успех, который должен был ещё больше сблизить нас, на самом деле стал стеной между нами? Мы стали богаче, но души превратились в ненужный придаток. Ты ушёл в свою музыку, а я — в своё одиночество. Мы перестали быть нами», — сокрушённо думала она.

На следующий день Эвелин кремировала тело. Никого не было. Ни друзей, ни врагов. Он и она. И притихший прах Киры.

Глава

IV

Эвелин щёлкнула выключателем. Лампочка пару раз моргнула, и кладовка осветилась мягким жёлтым светом. Чего только не было в этих коробках! Практически вся их с Филиппом жизнь. Старые альбомы с фотографиями, остатки обоев, валики для покраски стен, рождественские украшения и игрушечные ангелочки...

Пошарив в одной из коробок, Эвелин достала старые перчатки, всё еще пахнущие одеколоном Филиппа. Натянула их на руки. Из другой коробки взяла респиратор, залежавшийся еще со времён ремонта их первой совместной квартиры. На глаза надела маску для дайвинга, которую Филипп много лет назад купил на каком-то стихийном рынке во время отпуска в тропиках.

Собственными руками она смешала их прах на кухонном столе. Быстро и уверенно, будто смешивала муку с разрыхлителем. Без слёз и сострадания. Без отвращения и содрогания. Методично и просто. Насыщенно-серый пепел Филиппа и более светлый — Киры — слились в единую массу. Всё было кончено. У неё не осталось больше сил взирать на то, как они смотрят из разных урн. Он — с укором — из серой глиняной вазы. Она — с насмешкой — из хрупкого белого фарфора с изящным золотым ободком.

Филипп и Кира. Два имени, которые годами жгли душу изнутри, как медленно действующий яд. А теперь от них остался лишь пепел. Один, общий — на двоих.

Теперь Эвелин стояла на берегу океана.

Одинокая женская фигурка на фоне бескрайнего горизонта напоминала ракушку, выброшенную волнами на берег. Белая блузка колыбалась вокруг тела. Одежда вдруг стала слишком большой и висела, как на вешалке. Тело таяло на глазах.

Вечерний воздух был сырым и густым, насыщенным морской солью. Каждый вдох давался с усилием и лип к лёгким. Эвелин села на прохладный песок, обхватив колени, будто боялась, что горе разорвёт пополам. Руки выглядели хрупкими. Кисти были исписаны мелкими морщинами. Вены, выпирающие на тыльной стороне ладони, напоминали корни кустарника, забывшего вкус живительной влаги. На лице, освещённом закатом, застыла усталость. Её нельзя было скрыть ни маской, ни улыбкой. Но глаза... Живые, глубокие и синие, как океанская бездна, в которой тонули воспоминания. Они смотрели на закат, небрежно разлившийся по воде дорожку расплавленного золота и жидкой меди. Смотрели так, как умеют только те, кто долгие годы учился терпению.

Ветер швырял в лицо колючие пряди только что остриженных волос. Эвелин их состригла. Сама. Большими черными ножницами. Глядя в то самое зеркало, перед которым Филипп когда-то поправлял галстук, наверняка думая о Кире. Любовь обернулась предательством, а верность — насмешкой. Ирония судьбы казалась столь же плоской, как в тех мексиканских сериалах, которые обожала её подруга Мэри. Если бы только не одна деталь... В жизни не было закадрового плача скрипок и страстных монологов. Была только принесённая с собой тяжёлая, немая ноша и ветер, оплакивающий своим воем усопших.

Наполовину утопая в мелких песчинках, рядом с ней покоился простой, грубовато выделанный кувшин с широкой горловиной. Она нашла его в кладовке, когда решила смешать их прах. Однажды Филипп привёз его из очередной поездки на гастроли. Трещина у края стала причиной внезапной немилости. Долгие месяцы он пылился на полке, всеми забытый, но дождался своего часа. Теперь этот сосуд снова пригодился. В нём поселились любовь и боль, история нескольких судеб и конец этого грустного повествования.

Ещё несколько минут назад кувшин хранил тепло её рук. Сейчас он был холодным, как правда, которую носила Эвелин внутри себя годами. Она знала: это в последний раз. Возможность побыть рядом. С Филиппом и Кирой, которые, наконец, нашли покой, слившись друг с другом.

Эвелин думала о том, как много воды утекло с тех пор, когда она впервые встретила Филиппа. Они были молоды, полны надежд... Время быстро унесло всё это прочь.

— Прости, Филипп, — шептала она, прижимая к себе кувшин. — За то, что хотела просто быть рядом. За то, что не ушла, не отпустила... Не спаслась, когда еще можно было.

Эвелин помолчала и добавила уже чуть слышно:

— Прости, Кира... Хотя ты знаешь, что я не обязана просить.

Не отрывая взгляда от волн, она просидела так ещё долго, не замечая никого и ничего вокруг. Время остановилось. «Интересно, — промелькнуло в голове. — Знали ли мы тогда, что наша жизнь будет такой? И если бы знали... Изменили бы хоть что-то?»

На эти вопросы она ответила сама. Губы шевельнулись, но слова застряли в горле, словно комок глины. Плотный, осязаемый.

«Заслуживают ли они покоя? Он ведь... Предал. А она? Взяла то, что ей не принадлежит». Перед мысленным взором предстали Филипп и Кира... Почему-то в постели...

— Какая мерзость! — Эвелин бы плюнула в песок, но во рту оказалось сухо, как на дне обмелевшего колодца. То, что должно было избавить от скопившейся на языке липкой горечи, вытолкнуть её наружу, осталось внутри.

Мысли о Филиппе вонзались в сердце острыми иглами. Его образ стоял перед ней. С опухшими глазами, увлажнёнными любовью к другой. Лицо Эвелин исказилось от боли, щеки напряглись. Зубы сжались, пытаясь удержать крик, готовый вырваться из груди.

Эвелин глубоко вздохнула.

Она до сих пор сидела у кромки океана. Небольшая волна с пенной шапкой весело обдала брызгами, позволяя ненадолго отвлечься от тяжёлых мыслей. По мере того как вода отступала, Эвелин снова погружалась в глубину своего страдания. В душе уже много лет не было покоя, даже после их смерти. Она никак не могла заставить себя простить её — ту, что разорила их гнездо...

Внезапно поднявшийся откуда-то с горизонта ветер принёс не запах соли, а сырость давнего ливня...

В тот день, когда она получила конверт от детектива, дождь без передышки барабанил по стёклам. Эвелин стояла у окна, держа в руках бумаги. Тогда в душу лишь закрались подозрения, что у него кто-то есть. Кто-то, кто крадёт его у неё. Кто-то, у кого он проводит дни и ночи, возвращаясь под утро. Фотографии были чёткими. Вот Филипп у изголовья больничной койки. Вот она на подушке. Вот его ладонь на худой руке. «Значит, это была ты, Кира?.. Филипп уверял, что вы просто партнеры. Что ты не одна...»

Она снова посмотрела на фото. Взгляд Филиппа был опустошённым, но мягким, как шёлк. Однажды он также сидел у её кровати, когда слегла с температурой. «Кира неизлечимо больна, шансов нет», — тихо произнёс тогда детектив. В этих словах Эвелин услышала приговор не только сопернице, но и себе. Новость о скорой кончине любовницы мужа казалась ей справедливым решением высшего суда. Она, наконец, увидела своими глазами, как судьба покарала блудницу. Но весть, которая должна была сулить освобождение, обернулась оковами воспоминаний.

Тем вечером они втроём за ужином в ресторане отмечали очередной успех Филиппа. Кирилл смеялся — слишком звонкий, слишком уверенный. Филипп, который никогда не смотрел на жену так, как смотрел тогда на неё. Записки, исчезавшие со стола, телефонные звонки, обрывавшиеся при появлении Эвелин. И всегда это странное ощущение, будто она лишняя в собственной жизни. Что теперь? «Теперь он целыми днями пропадает. Ходит к ней каждый

день. Ни как муж, ни как любовник. Как человек, который знает, что скоро потеряет то единственное, что имело для него значение».

Эвелин закрыла глаза, чтобы за веками спрятать неприятные картины прошлого. Но даже в темноте молодое, дерзкое, прекрасное лицо Киры всплывало, вызывая спазм в желудке. Она яростно тряхнула головой, отмахиваясь от мыслей, как от назойливых мошек.

— Теперь-то у тебя бледное, истонченное болезнью лицо. Смерть стоит у изголовья, очень близко, — злорадствуя, шептала она. Но ликование длилось недолго: та, которую она ненавидела и презирала, стала ещё ближе к Филиппу. Кира всецело получала его внимание. Его время, его любовь. И это было самое страшное. Уткнувшись в подушку, она зарыдала. «Ненавижу» — рычала она сквозь плач. Эвелин понимала, что проиграла не женщине, а чувству! Чувству, которое не боится болезни, не прячется от смерти. Чувству, которое остаётся, когда другие уходят. Она должна была понять это давно. Признать, что Филипп никогда не был рядом. Даже когда целовал и говорил слова любви. Он принадлежал другой. Той, что сейчас лежала в больнице, в платке поверх облысевшей головы, с выпавшими бровями. Той, чьё имя он шептал во сне, даже не подозревая, что Эвелин слышит. Той, из-за мучений которой перестал сочинять, так как муза ушла вместе с ней.

Однажды ночью, когда дом затих, Эвелин услышала то, чего раньше отчаянно не хотела замечать. Стук своего несчастного одинокого сердца и эхо его шагов, которые гнали его прочь из дома. К любимой умирающей Кире... Он даже не догадывался, что женщина, смеявшаяся над его дурацкими комедиями и разволившая на кухне орхидеи, тоже умирает. Что её призраком отбывал срок заточения в просторном доме с дорогой отделкой и с видом на океан.

Внезапно чей-то спокойный голос разорвал тишину:

— Стой! Куда бежишь?! Рядом! Рядом!

Эвелин встрепенулась.

По песку прямо в её сторону мчалась крупная чёрная собака. За ней, почти бесшумно, бежал молодой мужчина с поводком в руке. Длинные уши спаниеля хлопали на ветру. Пёс остановился, насторожился, резко дёрнул носом и, не издав ни звука, рванул прочь, будто испугавшись незнакомого запаха. Эвелин проводила их взглядом. Нарушители спокойствия исчезли так же быстро, как и появились. Только песок слегка взметнулся под ногами животного, и эхо окрика хозяина ещё висело в воздухе.

Эвелин медленно опустила взгляд на кувшин в руках. Она прижала холодную керамику к груди. Ей и сейчас приходилось делить его с ней. Даже здесь, в этой банке.

Наверняка, он и тут обнял её, чтобы той не было страшно.

Волны неторопливо катились к берегу, издавая глубокий, почти мелодичный шорох. Иногда подбирались ближе, ласкали босые ноги прохладными объятиями. Звук прибоя успокаивал.

Прилив, отлив, прилив...

Океан словно дышал вместе с ней. Лелеял израненную душу. Эвелин почувствовала себя частицей чего-то большего. Гораздо большего, чем жизнь. За все свои годы она не была так одинока, но и никогда так свободна. Боль потери ещё жила в сердце, но теперь она стала более терпимой, как старая заживающая рана. Она сидела, покачиваясь, поглаживая кувшин, пока последний луч солнца не скрылся за горизонтом. Внезапно она ощутила странное единение со всем миром. С океаном, небом, ветром... Даже с зыбким песком под ногами. И в этот миг осознала: она готова отпустить прошлое. Не забыть. Просто принять и отпустить. Жизнь продолжала свой неумолимый ход. Теперь ей нужно было найти силы двигаться дальше.

Поставив кувшин рядом, она медленно поднялась на ноги. Прижав ладони к пояснице, выгнула спину и далеко запрокинула голову. Тело, затёкшее от долгого сиденья, проснулось, как будто тоже знало, что всё изменилось.

Подняв сосуд, Эвелин вошла в воду. Холодная волна обхватила щиколотки, ноги, пробирая до самого нутра. Прохладный ветерок бил в лицо. Стоя по пояс в чёрной воде, она сделала глубокий вдох. Она знала: этот жест станет точкой невозврата.

«Но разве не ради этого ты сюда пришла? Чтобы отпустить их обоих?»

Её руки задрожали. Медленно, почти торжественно, она наклонила кувшин. Серые частицы, подхваченные ветром, закружились в последнем танце. Ветер унёс их туда, где кончается свет и начинается вечность. Она видела, как пепел её любви смешался с водой и исчез.

Вдруг ветер стих, настала тишина. Океан принял их, будто своих детей, потерянных и найденных. Прощённых им и Эвелин.

Выйдя на берег, Эвелин опустила кувшин и посмотрела на свои ладони — пустые и лёгкие, мокрые и свободные.

Стоя в темноте, она уже не боялась.

Глава

V

На небе зажглись первые звёзды. Мягко и осторожно изливая свой свет, они, похоже, сомневались, стоит ли им гореть теперь, когда для Эвелин радость жизни всё равно погасла.

Она не спеша направилась к дому, держа в руках пустой сосуд. Ноги оставляли призрачные следы на мокром песке. Волны, как старые слуги, шли по пятам, пенным языком бесшумно стирая отпечатки голых ступней. Своим тихим бормотанием мудрый океан хотел избавить её душу от скорби, шепча: «Иди вперёд. Прошное больше не властно над тобой». И Эвелин поняла. Да, она должна идти. Даже если впереди не просматривается совершенно никакого смысла.

Их дом, окружённый плотным строем шумевших на ветру гордых сосен, возвышался на холме. Он был последним пристанищем её почившего супруга. Мечтая поселиться у океана, тот купил его много лет назад. «Только здесь я дышу полной грудью», — вдохновенно заявлял Филипп, довольно втягивая носом каждое дуновение влажного океанского бриза. Она не возражала. Покорно шла за ним, оставив свою прекрасную светлую квартиру в центре, которую так любила. Променила комфорт городской жизни на вечное заточение среди хвойных насаждений, и всё это ради него...

Эвелин поднималась по крыльцу. Деревянные ступеньки поскрипывали в такт шагам, будто говоря, как раньше: «Ты дома». Внутри царил тишина, звучавшая громче любого слова. Пространство вокруг было наполнено воспоминаниями. Каждый уголок хранил следы их совместной жизни. Запах старых книг, точь в точь такой же, как в те вечера, когда они читали вместе. Плеск волн за окном, опечаленный воспоминаниями о том, что ушло навсегда.

Внешне всё оставалось по-прежнему. Вот только она стала другой. Не просто другой, а чужой. Время вычеркнуло её из списка жильцов. Казалось, даже стены неласково шептали: «Уходи. Здесь больше нет для тебя места». Стоя посреди огромного пустого коридора, она чувствовала себя воплощением Одиночества. Историей, которую невозможно продолжать...

В гостиной всё оставалось таким же, как в тот день, когда Филипп ушёл. На журнальном столике валялась его старая нотная тетрадь. На комод в рамке покоилась фотография времён их молодости. Рядом — ещё много других. На них они были полны сил, веселы и счастливы.

«Почему ты скрывал?» — прошептала Эвелин, словно надеясь, что муж ответит. Только шум океана отозвался глубоким вздохом. Эвелин опустилась в мягкое кресло у окна — любимое место Филиппа. Здесь открывался прекрасный вид на водную гладь. Взгляд снова упал на снимок молодого Филиппа. Удачный кадр. Объектив камеры сумел захватить его улыбку, такую редкую и искреннюю. Густые волосы, собранные в пучок. Светящиеся глаза. Таким она не видела его все последние годы их брака.

Уголки побелевших губ Эвелин мягко вздрогнули. Картины прошлого настойчиво прорывались сквозь паутину времени. Она так отчётливо представила их первую встречу. Как будто это произошло только вчера...

Долгий день в университете подошёл к концу. Эвелин направилась в свою любимую кофейню. Денег обычно хватало, чтобы немного подкрепить силы. Учась на психолога, приходилось подрабатывать консультантом в небольшом центре для подростков. Заработок был скромным, но это её не беспокоило. Она знала, что делает важное дело.

В кафе было немногочисленно. Аромат свежесваренного кофе вселял надежду и обещал долгожданные минуты спокойствия. В лучах закатного солнца кружились пылинки, осе-

дая вдоль стен полках, уставленных томами с разноцветными корешками. Отдалённо ревели моторы проезжающих по дороге машин. Раздавались редкие голоса прохожих.

За соседним столиком сидел Он. Потёртая кожаная куртка казалась слишком большой для его худощавой фигуры. Растрёпанные тёмные волосы падали на бледное лицо. Когда он откидывал их назад, обнажался широкий блестящий лоб и густые брови. Серые глаза, обрамлённые густыми ресницами, застыли, глядя в одну точку. Заострённый подбородок покрыт лёгкой щетиной.

Костлявыми пальцами незнакомец машинально постукивал по краю стола. Играя на воображаемых клавишах, он не отрывал взгляда от тетради, лежавшей перед ним. Она была исписана нотами, похожими на россыпь чёрных жемчужин или спелые вишни на тонких веточках.

— Ты сочиняешь музыку? — спросила Эвелин, не удержавшись. Голос вырвался сам собой, будто язык опередил разум.

Молодой человек поднял голову, неохотно возвращаясь из своего измерения. Внезапно в удивлённых глазах вспыхнул огонёк интереса. Его руки послушно замерли на краю стола.

— Да, — устало выдохнул он. На мужественных губах заплесала тень улыбки. — Музыка — это всё, что у меня есть. Иногда мне кажется, если она никому не нужна, то зачем я вообще существую?

Он произнёс это не драматично, а просто, как неудобный факт.

— Кто-то должен услышать. И я хочу быть этим человеком, — сказала она, глядя на него с любопытством.

«Кто-то должен услышать». Видимо, эти слова уже давно вертелись в его голове и не давали покоя. Он задумался на секунду, внимательно изучая лицо Эвелин.

— Мне кажется, что музыка живёт только во мне. Как будто я единственный, кто её слышит. Она здесь, — он легонько постучал по виску. — Но доносится как будто из-за толстого стекла.

Его голос, низкий и грудной, ей понравился. Они ещё немного посидели молча. Всё это время она наблюдала за ним. Особенно за тем, как он напевал себе под нос и радовался, точно ребенок, когда что-то получалось именно так, как он того хотел. Эвелин почувствовала, что под ложечкой сладко и тревожно заныло, будто она стояла на краю высокой крыши. Этот парень был странным, но в нём было что-то особенное. Что-то, что заставило её тянуться к нему. Не рукой, не телом, а всей душой.

— Может, просто нужно больше людей, которые умеют слушать? — тихо предположила она, первой нарушив молчание.

Одухотворённая улыбка осветила всё его лицо. Ряд ровных зубов засверкал белизной.

— А ты умеешь слушать? — он чуть наклонился вперёд, будто хотел быть ближе. Теперь Эвелин могла разглядеть золотистые искорки в серых глазах.

— Мне кажется, да, — ответила она, ощущая жар на своих щеках.

Он попросил разрешения сесть за её столик, и она с радостью согласилась. От его куртки пахло сыростью, старой кожей и чем-то ещё, едва уловимым, что она с того дня всегда ассоциировала с ним.

— Филипп, начинающий композитор, без гроша в кармане, — усмехнувшись, протянул ей ладонь. — Но с головой, полной мелодий. Они так и норовят вырваться наружу!

В тот вечер он взахлёб рассказывал о своей мечте. Нет, не о мечте, а об одержимости. О желании создать мелодию, которая будет жить в сердцах других также глубоко, как живет в нём. Эвелин слушала. Внимательно, терпеливо. Будто могла увидеть и потрогать каждую ноту, о которой говорил Филипп.

— А ты? — спросил он, когда пауза затянулась. — Чем занята, пока я пытаюсь перевернуть мир одной лишь симфонией?

— Учусь на психолога, — весело ответила она. — Наверное, тоже хочу научить людей прислушиваться. Только не к музыке, а к своим чувствам.

Он задумчиво кивнул, будто её слова открыли нечто новое.

— Значит, ты тоже веришь, что люди могут стать лучше?

— Я знаю, что могут, — кивнула она уверенно. — На то они и люди.

В тот вечер они проговорили несколько часов кряду, забыв обо всём. Когда кафе закрылось, они вышли на улицу вместе.

Ночной воздух был прохладным. Было зябко, из рта шёл пар, но их разговор продолжался. Они шли рядом. Их тени на тротуаре почти сливались в одну.

— Я бы хотел снова увидеть тебя, — сказал он, когда они остановились у входа в метро. На секунду он задержал её руку. Пальцы были холодными, но прикосновение — твёрдым и уверенным.

— Я тоже.

Их первая встреча стала началом чего-то большего. Эвелин сразу поняла, что это — её человек. Филипп же только спустя много лет признался, что тогда ещё не знал, что любовь может быть такой же глубокой, как музыка. Что тем вечером он понял: рядом с ней может быть собой.

— Как давно это было, — вздохнула Эвелин, снова глядя на старые фотографии.

Внезапный порыв ветра ворвался в комнату, словно неожиданный аккорд, разорвавший тишину. Окно с шумом захлопнулось. Тревожно и громко. Эвелин дёрнулась, и образ молодого Филиппа рассыпался. Перед ней снова был лишь пустой сосуд и воющий на улице ветер. Казалось, сама природа напоминала, что пора вернуться в реальность, но стремительный поток уже уносил её прочь...

Решительно поднявшись с кресла, она подняла кувшин и подошла к окну. Доски паркета скрипели в такт её шагам, будто печальное музыкальное сопровождение на сорвавшемся свадебном торжестве. Ночное небо сливалось с океаном где-то на линии горизонта, откуда одна за другой катились неугомонные волны, разбиваясь о берег и нарушая безмолвие.

«Ты свободен, Филипп. Ушёл за ней. Предал меня! Почему?! Кира права... Ты погубил всех — себя, её и меня».

Эвелин всхлипнула.

— Филипп!

Его имя терялось в рыданиях, снова и снова отзываясь эхом на дне кувшина, где было темно и пусто. В голове Эвелин мелькали моменты прожитых вместе лет. Его улыбка, его руки, его голос...

— Неужели я так омерзительна, что ты предпочёл смерть вместо жизни со мной? — Эвелин сотрясалась в рыданиях.

Каждый судорожный вздох раздавался ударом колокола в заброшенном храме её разрушенных надежд. Она закрыла лицо руками, пытаясь, словно ребёнок, спрятаться от мира. Боль, сдерживаемая годами, наконец, прорвалась. Бурлящая стихия разбитых иллюзий сносила плотину внешнего спокойствия.

Когда силы иссякли, Эвелин опустила на пол, обхватив себя за плечи. Покрывало ночи обнимало, словно стараясь удержать её в этом опостылевшем мире. Сквозь щели ставен пробирался сквозняк. Пронизывающая сырость усиливала дрожь в теле. Постепенно рыдания переросли в редкое прерывистое сопение. Затем и вовсе смолкли. Эвелин сидела на полу, уставившись в темноту. В груди полыхал огонь предательства. Пламя этого костра облизывало душу холодом одиночества. «Как ты мог?! — кричал внутренний голос, вытаскивая из памяти улыбку Филиппа. Ту самую, которая всегда успокаивала её, но теперь стала насмешкой судьбы. — Я так долго сходила с ума от ревности...»

Начался дождь. Крупные капли барабанили по стеклу и змейками стекали вниз. Эвелин растёрла высохшие глаза. Бросила измученное тело обратно в кресло и снова уставилась в окно. Откуда-то сбоку за ней настойчиво наблюдали. Каждый раз, когда она решала не смотреть на его фотографию, шея будто сама поворачивала голову.

— Сгинь, — прошептала она. Эти снимки стали раной, к которой невозможно было перестать прикасаться. Как бы она ни пыталась отвернуться, взгляд вновь и вновь возвращался к ним. Будто они жили своей собственной жизнью и требовали внимания. Чем дольше Эвелин сопротивлялась, тем более осязаемым становился его образ. «Не смотри», — приказывала она себе, но глаза упорно искали встречи с застывшим навечно, но всё ещё живым взглядом Филиппа.

На фото рядом их было трое: они с Филиппом и Кира, прильнувшая почти вплотную к нему. Отчего она раньше не придавала значения столь красноречивой детали? Эвелин накрыло новым всплеском страдания и отвращения.

В тот день состоялось первое знакомство с Кирой.

Это случилось после того, как мелодия на стихи известного поэта стала хитом. Эвелин к тому времени уже была не просто помощницей, а стала менеджером. Карьера Филиппа росла. Жизнь налаживалась.

Презентация нового альбома, которому Эвелин придумала красивое название — «Отражения», должна была пройти в престижном концертном зале города. Приглашения получили все, кто мог быть важен для молодого композитора, — критики, коллеги, поклонники-меценаты, высокопоставленные друзья.

Все места были заняты, кроме одного — в первом ряду рядом с Эвелин. На сцене стоял величественный рояль, ожидая своего часа. Раздался последний звонок, и гул разговоров стих. Вечер открылся шёпотом аплодисментов. Филипп нервничал, то и дело поправляя бабочку на безупречной белой рубашке. Эвелин же была спокойна. Она всё предусмотрела. Зрители останутся в полном восторге.

В самый последний момент в зал неожиданно вошла она. Уверенно. Легко. Почти бесшумно. Даже на высоких каблуках её походка была скользкой. Казалось, весь мир принадлежал только ей одной. Как будто все только и ждали её появления. Она опустилась в доселе пустовавшее кресло как почётная гостья. Нарочито небрежно закинула ногу на ногу. Её поза безапелляционно заявляла: «Я соблазнительна и я знаю, что ты смотришь на меня». Филипп стоял у края сцены, проверяя микрофон. Подняв глаза, он застыл. Смутившись, снова погрузился в работу. Ну, конечно. Яркая внешность. Платье цвета изумруда. Глубокий вырез, загорелая кожа. Волосы, собранные небрежно, словно она не думала о том, как выглядит. А этот кулон... Казалось, он светился сам по себе, как и её глаза.

Маэстро сел за рояль. Пальцы коснулись клавиш. Зал погрузился в тишину. Филипп играл, наполняя сердца страстью, болью и надеждой. Последняя нота застыла в воздухе. Люди вставали с мест, воодушевлённо кричали «Браво!», хлопали так долго, что Филиппу пришлось сделать несколько поклонов.

После выступления за кулисами его уже ждала Эвелин, сияя от радости, с бокалом шампанского в руке.

— Это было потрясающе! — воскликнула она, подходя к нему. — Ты сделал это!

— Это сделала ты, — признался он, глядя ей в глаза. — Если бы не ты...

Но не успел он договорить, как вокруг образовался шлейф приторно-сладких духов.

— Позвольте поздравить! Вы были великолепны! — воскликнула дама в изумрудном платье, протягивая Филиппу свою изящную руку с остро отточенными, длинными и ровными ногтями.

— Благодарю, — ответил Филипп, учтиво поднеся её ладонь ко рту, дабы выразить своё почтение. — А вы?..

— Кира, — она улыбнулась, не сводя с него глаз. — Я сидела в первом ряду. Ваша музыка... Тронула меня. Нет, даже больше — разбудила!

Казалось, воздух между ними дрожит от напряжения, как в жаркий летний день. Было очевидно, что Филипп узнал её. Он же весь концерт смотрел только на неё, в сторону от Эвелин. Эта девушка с вьющимися каштановыми волосами была и вправду ослепительна. Не только своей внешностью, но и энергией, излучающей свет и тепло. Яркая, дерзкая, уверенная. Она улыбалась широко и открыто, обезоруживая искренностью. Ее движения были грациозными. Мягкий, с соблазнительной хрипотцой голос, звучавший так, словно она только что проснулась.

— Ваши мелодии, — продолжила она, чуть наклонив голову. — Они полны любви! Даже если вы сами этого ещё не осознали...

Эвелин украдкой наблюдала за ними. Филипп расплывался в улыбке. Он не замечал, что её взгляд задержался на нём дольше, чем позволяли правила приличия, а пальцы коснулись запястья чуть нежнее, чем следовало. Это была игра двух актёров, один из которых знал все реплики наперёд. Тут Эвелин осенило: эта женщина пришла не слушать. Она пришла забирать. Она говорила с Филиппом так, будто они знакомы много лет, будто она знала его лучше, чем он сам себя.

«Бедный Филипп, — с внезапной жалостью подумала Эвелин. — Как ему устоять? Даже поворот головы у неё какой-то особенный», — отметила она про себя, глядя, как Кира мягко и женственно поправляет волосы.

Эта женщина знала, чего хочет. Находясь рядом с Филиппом, она то и дело касалась его плеча, брала за запястье, нарочно создавая иллюзию близости. В её словах, пусть и искренних, Эвелин учуяла лёгкую, но уверенную манипуляцию: «Она явно разбирается в том, как надо действовать. Как заставить мужчину чувствовать себя исключительным». Стало понятно, что Кира не сомневается — она действует.

— Вы, наверное, гордитесь супругом? — Эвелин будто выдернули из глубокого сна. — У вас удивительный муж!

Щёки залил румянец. Двусмысленность этих слов не вызвала никаких сомнений.

— Да, — кивнула Эвелин, стараясь сохранить самообладание. — Я горжусь им.

Правда в её устах прозвучала как отступление. Кира понимающе наклонила голову, принимая слова, но не веря ни одному из них. Затем она снова перевела взгляд на Филиппа.

— Ваша супруга права. Вы действительно уникальны!

Она посмотрела на Эвелин. Улыбнулась дружелюбно. Её глаза смеялись, и за этой усмешкой скрывался прозрачный намёк: «Я возьму то, что плохо лежит. Спасибо за охрану».

И тогда Эвелин будто обухом по голове стукнуло: эта женщина намерена стать его любовницей. Она заметила это сразу — глупость не была её коньком. Невозможно было не увидеть, как Филипп смотрит на эту красивую куклу с бронзовой кожей, сладостно вдыхая запах её духов, от которого Эвелин выворачивало наизнанку. Она думала, что любовь — это терпение. Что достаточно быть рядом. Но теперь осознала: эта женщина может оказаться музой. А ей отведена роль всего лишь паузы между нотами.

Когда Кира улетучилась, словно дым, Филипп погрузился. Он не мог оторвать взгляда от двери, за которой она исчезла. И это молчаливое томление было для Эвелин страшнее любой сцены ревности.

Тот вечер стал переломным для всех троих.

Для Филиппа — триумфом искусства. Для Кире — победой без боя. Для Эвелин — первым шагом в бездну, из которой нет возврата.

Она чувствовала, что теряет мужа. В тот день она забыла, что такое опора, смысл и уверенность в себе. А Филипп остался сиять в шквале аплодисментов. Даже не подозревая, что его сердце украдено без особого труда. Он не знал, что уже пригубил из чаши их гибели...

По пути домой царило молчание. Филипп мечтательно смотрел в окно машины, будто где-то за стеклом ещё витал призрак Киры. Эвелин сидела, сцепив окоченевшие пальцы на коленях. Холод медленно расползлся по телу. Они ехали по улицам, где когда-то гуляли вдвоём, где он купил ей первый букет после дебютного концерта для десяти слушателей. Где они смеялись, сидя на ступенях у фонтана, делясь мечтами. Он говорил, что хочет написать музыку, которая останется в сердцах. А она шептала: «Я буду рядом».

«Помнишь?» — хотела было спросить Эвелин, но промолчала, оставшись наедине со своими воспоминаниями.

Теперь он исполнил свою мечту. Она была рядом, как и обещала, но уже превратившись в молчаливую тень. Эвелин решила разорвать тишину:

— Ты видел выражение лица Марины? В третьей композиции? Она плакала...

— Да? Я не заметил, — промямлил он рассеянно.

Это правда. Он действительно не заметил. В тот момент, на сцене, его взгляд был прикован к изумрудному платью...

Глава

VI

В тот вечер Филипп, едва переступив порог, устремился в кабинет.

— Безумная мелодия! Надо записать, пока не улетучилась, — выпалил он. В его глазах горел не знакомый домашний свет, а отражение чужого, яркого огня.

— Я даже знаю, для кого она, — сказала Эвелин, и её голос прозвучал нарочито легко, будто она продолжала начатую в уме мысль.

Филипп замер, медленно поворачиваясь.

— Для кого? — переспросил он.

Вот она — та самая хитроватая мальчишеская улыбка, которая когда-то дарила ей небо. Сейчас она казалась гримасой, за которой он прятался, и леденила душу.

— Для новой музыки, конечно. Эвелин развела руками. — Для Киры. Ты смотрел на неё со сцены так, будто она — тот самый недостающий аккорд в твоём идеальном концерте.

Филипп отмахнулся, но пальцы его нервно постукивали по дверному косяку.

— Брось, Бельчонок! Она — профессионал. Прекрасный управляющий. Не выдумывай.

— Я не выдумываю. Я наблюдаю, — тихо сказала Эвелин, подходя и прижимаясь лбом к его груди. Туда, где под рубашкой должно было биться сердце. Оно стучало часто и неровно. То ли от творческого возбуждения, то ли от её слов, а возможно, от всего сразу.

— Я без тебя умру, — прошептала она в ткань, уже не в силах отличить шутку от мольбы.

— Хватит, — он мягко, но неуклонно отстранил её. — Дай записать, это важно.

— Поцелуй. Иначе не уйду.

Она по-детски выпятила губы, зная, что ведёт себя глупо, и от этого ненавидя себя ещё сильнее. Он сухо чмокнул в щеку.

— Иди, иди. Я скоро.

Через час Эвелин снова зашла к нему, чтобы ещё раз порадоваться вместе. Но Филипп даже не заметил её прихода. Его пальцы летали по клавишам, играя новую мелодию, полную восторга и тоски. Эвелин замерла в дверях, наблюдая за ним. Очки его неуклюже сидели на кончике носа. Морщась, он нервно вносил поправки в нотную тетрадь и начинал играть заново.

— Я принесла тебе чаю, — произнесла она как можно мягче, ставя стакан на край рояля. Филипп поднял голову. Их взгляды встретились. На мгновение ей показалось, что она вновь видит юношу, который когда-то смотрел на неё с восхищением. Но этот момент быстро исчез, и он снова вернулся к музыке.

Эвелин вышла из кабинета, тихо закрыв за собой дверь.

Она знала, что его рабочее место — это остров, к которому не причаливают чужие корабли... Даже её резиновая шлюпка. Хотя она продолжала поддерживать, иногда хотелось быть от одиночества. Вместо этого приходилось молча идти на кухню и снова заваривать чай, часами размешивая ложкой остывший напиток, в котором давно не было ни сахара, ни смысла. Она думала, что любовь — это свобода быть собой рядом с другим. Теперь она поняла, что любовь — это цепи, которые ты сам себе выковал и надел с тихой благодарностью.

После душа Эвелин надела ночную сорочку, которую Филипп когда-то называл своей любимой. Легла и стала ждать. Он вернулся через пару часов. Дверь тихонько скрипнула. Выключив ночник, Филипп в темноте разделся и лёг рядом. Повернулся спиной, стараясь не дышать слишком громко. Даже не прикоснулся.

Её рука уже потянулась к нему, но замерла на полпути, ибо рядом раздался мгновенный храп. Тогда она решила бороться не с Кирой, а с этим новым Филиппом, которого уже не узнавала. «Начну с того, что напому ему ту, которую он любил. Покажу, что я важнее ледяного

взгляда лукавых глаз. Но не сегодня», — Эвелин закрыла глаза и представила, что снова слышит первую музыку, сыгранную для неё. Мелодию, написанную на тетрадном листе в клеточку. Это было временем, когда она была его вдохновением... А он — её вселенной.

На следующий день Эвелин встретила с Кирой во второй раз.

Та явилась без предупреждения в костюме цвета беж, который без слов говорил о её статусе и деньгах. С высоким, строгим пучком на голове и с безупречным макияжем на лице. Всё в ней говорило о хорошем вкусе — от туфель-лодочек до маленьких золотых серёжек. Эвелин как раз подумывала о том, не пора ли выбросить свой старый свитер, в котором она когда-то так любила обниматься с мужем по утрам. Теперь он растянулся и висел на ней мешком.

Отворив дверь, Филипп светился от счастья, словно это был не концертный менеджер, а самая желанная гостья в их доме.

— Кирочка! — воскликнул он.

Это имя повисло в прихожей неуместно и щекотливо.

Кира вошла, принесла за собой шлейф дорогих духов. Она обняла Эвелин быстрым, деловым движением, похлопала по спине.

— За каждой музыкальной звездой стоит не менее яркая звезда. Такая, как вы, — её палец, тонкий и уверенный, на секунду коснулся груди Эвелин, будто ставя невидимую печать. Заученная, но эффектная фраза из модной брошюры.

— Пройдёте в мой кабинет, — предложил Филипп, явно томясь от ожидания.

— Ведите, — обрадовалась она, бросив оценивающий взгляд на Эвелин.

Филипп бережно взял Киру под локоть и повёл в свой кабинет. Какое подобострастие! Видимо, она была таким ценным сокровищем, что ей понадобился такой эскорт. На ходу он обернулся:

— Эвелин, дорогая, не могла бы ты... Чаю, — и добавил: — Кира, выпьете горячего или холодного? А я, как всегда, свой кипятик, — бросил он прежде, чем захлопнулась дверь.

Не «принесешь», не «пожалуйста», не «будь любезна». Вот так просто, как если бы он сказал: «На улице сегодня слякоть. Ах, да, и вытри пол».

Заваривая чай, Эвелин слушала их смех. Звонкий и веселый. Волна ревности накрыла её. Каждый звук сверху отзывался болью, будто кто-то методично ввинчивал шуруп прямо в сердце. «Чему они смеются? О чём говорят? Почему он говорит с ней так легко и свободно?» — эти вопросы бились в голове, подобно рою мошек, атакующих источник света. Самообладание рассыпалось. Пальцы судорожно сжали ручку чайника. Она хотела в порыве ярости швырнуть чайник об стену, чтобы этот звук нарушил их идиллию. Но вместо этого заставила себя поставить его на поднос, повторяя про себя: «Протокол поведения в ситуации № 1. Сохранить лицо. Не показывать слабость. Боль — это конфиденциальная информация, не подлежащая разглашению». На глаза Эвелин навернулись слёзы. Она быстро заморгала, прогоняя их. «Как посмела прийти? Или он пригласил? Почему не сказал мне?» Мысли кружились в голове, одна мрачнее другой. «Она играет с ним и со мной, а он позволяет».

Эвелин набрала воздуха в грудь, пытаясь взять себя в руки. Но это удавалось с трудом. Ведь именно сейчас её роль сводилась к тому, чтобы прислуживать и наблюдать, как другая занимает её законное место.

Когда Эвелин вошла с подносом, Филипп и Кира сидели за инструментом. Слишком близко. Они были увлечены новой мелодией и даже не заметили её присутствия. Эвелин простояла несколько секунд, ничего не слыша от гула в голове.

«Я знала, что любовь — это труд. Но разве он должен быть таким тяжёлым?!» У Эвелин потемнело в глазах. Филипп играл, изредка бросая восторженные взгляды на Киру. Пальцы порхали, локти как бы невзначай касались её плеча. Оставив холодный чай с лимоном и горячий чай с бергамотом, Эвелин тихо вышла.

«Ворвалась в нашу жизнь. Обнимала нас, словно мы старые друзья. Как можно быть такой открытой, такой живой? А Филипп? Почему он так циничен? Или это не цинизм, а просто... Он не думает обо мне?» — размышляла она, сидя на кухне, подперев ладонями лоб. В тот день Эвелин поняла, что никогда не сможет спокойно смотреть на них вместе.

К величайшему облегчению Эвелин, Кира ушла так же быстро, как и пришла. Собралась за считанные минуты. Проверила телефон, поправила причёску перед зеркалом в прихожей.

— Благодарю тебя за гостеприимство, Эвелин! — расплылась она в белозубой улыбке. — Мы обязательно должны чаще встречаться... Обсуждать будущее Филиппа. Оно такое яркое!

Эвелин стояла рядом с мужем, молчаливо кивая. Кира снова обняла. Тепло, почти по-дружески. На этот раз её парфюм был давящим и противным. Этот запах оставался на коже, на одежде, в воздухе.

Филипп проводил Киру до машины. Он светился, стоя у открытой дверцы, как будто ему только что подарили новую жизнь. Когда автомобиль скрылся за поворотом, Филипп вернулся домой. Вздохнул, сбросил куртку на спинку дивана, пошёл на кухню. Эвелин стояла у окна и смотрела вдаль.

— Ты знал, что она придёт?

Филипп замялся.

— Я просто... Не успел. Она позвонила, чтобы обсудить кое-какие вопросы.

— Обсудить, — повторила Эвелин. Голос её дрогнул. — Без меня?

— Ты что, ревнуешь? — он рассмеялся. В его смехе не было зла, лишь полное непонимание. — Милая, с каких пор?

— Нет, — соврала она. И соврала плохо. Ни одна из женщин, вившихся вокруг мужа ранее, не вызывала в ней таких чувств. Она была уверена, что Филипп предан ей.

Он подошёл ближе. Взял за плечи, поцеловал в лоб. Легко, как делал всегда, когда хотел успокоить.

— Дорогая, это всего лишь работа. Я никогда не променяю тебя на другую. Ни за что, — сказал он, уже собираясь умчаться в свои владения. К той мелодии, что уже звучала в его голове.

— Ты меня унизил...

— Перестань, любимая! Что снова не так? Ну, подумаешь приехала без приглашения... Такая мелочь! Разве ко мне мало гостей приезжало?

— Мелочь?!

Эвелин покраснела до ушей.

— Может быть. Но именно такие мелочи ранят больше всего. Особенно тогда, когда ты уже не уверена в своём месте рядом с любимым человеком!

— Ну, прости меня. Мне и в голову не пришло...

— Я не хочу её видеть в нашем доме!

Филипп искренне удивился.

— Почему? Не понял. Эвелин, она же нам нужна...

— Пожалуйста, сделай одолжение... Пусть эта женщина больше никогда не переступит наш порог!

— Но, Эвелин, я же работаю здесь! Сюда приходят многие. Так же, как и она. С чего вдруг ты так всполошилась?

— Я же сказала, что не желаю её видеть в нашем доме...

— Это уже перебор. Ты так не считаешь?

— Нет, — злобно ответила Эвелин. — Не перебор!

Увидев её непреклонность, Филипп решил отступить на время.

— Хорошо, понял. Больше не придёт, — нехотя согласился Филипп. — Придётся обсуждать будущие концерты где-то в другом месте. Ну, что? Закроем эту тему? Больше не будем ссориться? — спросил он, пытаясь обнять.

— Мне нужно время, — сказала она, не глядя на него.

— Хорошо, — согласился Филипп и исчез, хлопнув дверью кабинета.

В тот вечер она долго сидела одна. Включила старый диск, который они любили слушать вместе. Где-то далеко, за гранью сознания, она чувствовала, как между ними крадётся чужое присутствие. Не явное, не опасное на первый взгляд. Но она понимала, что если не найдёт сил противостоять этому, однажды проснётся и поймёт, что стала лишней. Лишней, в жизни человека, которого любит больше жизни. А он будет блистать и улыбаться.

Улыбаться...

Улыбаться...

Насмехаться...

Это слово заставило её повернуть голову к комоду и посмотреть на их улыбающиеся лица. За окном бушевала гроза. При вспышке молнии улыбки на фотографиях казались ей зловещными, оскаленными. Подскочив с кресла, Эвелин яростно смахнула их все разом на пол. Раскаты грома грохотали, заглушая треск разбитого стекла. Она облегчённо вздохнула, стоя над поверженными гримасами. Теперь они не могли смеяться над ней. Теперь она могла дышать.

Глава

VII

Утро после погрома было не просто недобрым. Оно было катастрофически ужасным. Эвелин проснулась с ощущением, будто тело наполнили свинцом, а веки обожгли паяльной лампой. Всю ночь она пролежала с полузакрытыми глазами, как живой труп, отданный на растерзание воспоминаниям о хрусте стекла под босыми ногами.

Эвелин медленно сползла с кровати, кое-как накинула на плечи халат и поплелась на террасу. Стоило двери открыться, как лицо тут же обдало потоком свежего прохладного воздуха. Солнце светило ярко и щипало воспалённые бессонницей глаза. Гулявшие вдоль берега жители казались беззаботными и счастливыми. «Почему время не остановилось, если Филиппа уже нет в этом мире?» — недоумевала она. Её мир рухнул десять дней назад, а жизнь продолжалась с безжалостным равнодушием! Волны по-прежнему катились к берегу. Одна за другой, без начала и конца. Океан дышал ровно и мощно. Эвелин тоже дышала, но её дыхание стало слишком частым и слабым. По пляжу ходили люди, бегали дети и собаки, оставляя на прибрежной полосе следы разной длины и формы — большие и маленькие, длинные и короткие, округлые и вытянутые, с отпечатками подушечек собачьих лап. «Наша жизнь — всё равно, что след на песке, — подумала она. — Сначала он ясный и чёткий, такой настоящий. Но вот накатывает прилив, и не остаётся ничего. Лишь мокрый песок, который скоро высохнет. И никто уже не вспомнит, что здесь кто-то был». Эвелин вздохнула. Ветер играл растрёпанными волосами. Луч солнца ласково касался щеки, но его тепла было недостаточно, чтобы прогнать ледяную пустоту внутри. Бесполезные попытки согреть замёрзшего тонкой простынёй.

Она закрыла глаза, попытавшись представить, что Филипп рядом. Что его руки снова обнимают, а голос шепчет: «Всё будет хорошо». Но даже в воображении эти слова звучали угасающим эхом в давно опустевшем бальном зале.

«Какие же мы маленькие, — размышляла Эвелин, устремив взгляд за бескрайний горизонт. — Мы думаем, что наши чувства, наша любовь и боль — это вся вселенная. На самом деле мы лишь искры, что гаснут, не успев разжечь пламя. А мир... Он даже не заметит, что нас больше нет».

На деревянном пороге террасы лежала большая морская раковина красивой спиралевидной формы, похожая на украшенный пиками взбитых сливок торт. Твёрдая шершавая поверхность с перламутровым отливом. Когда-то они с Филиппом нашли эту ракушку в песке и, смеясь, принесли домой, представляя её долгое путешествие из океана на берег. Теперь она была пустой и безмолвной.

— Даже она осталась. А ты ушёл, — прошептала Эвелин. — Ты был моим океаном. А теперь я просто пустая раковина, которая больше не слышит шума волн...

Солнце поднялось выше. Эвелин зажмурилась. Она поняла, что мир не обязан замереть в знак уважения к её горю. Он будет двигаться вперёд, потому что так устроен.

«А я? — подумала она. — Как жить дальше?»

Она медленно поднялась со ступенек, всё ещё сжимая в руке ракушку. Её взгляд скользнул по дощатому полу и долго блуждал между пустыми плетёными стульями, цветочными горшками с увядшими бегониями, старым ковриком у двери. Всё вокруг казалось таким же потерянным, как и она сама.

Эвелин на автопилоте отправилась на кухню. Там царил беспорядок: грязные чашки, крошки на столе, открытая хлебница, запах залежавшейся чайной заварки. Холодно и невыносимо одиноко.

При Филиппе всё было иначе. Он вставал раньше, чтобы сварить кофе. Специально для неё добавлял больше молока, — ей нравится мягкий вкус. Когда она спускалась, он уже сидел за столом, держа наготове чашку. Это было единственное, что он умел делать по дому.

— Доброе утро, моя любимая, — говорил он тихо, словно боялся потревожить её сон.

А теперь всё это кануло в небытие.

Эвелин достала из шкафа тарелку, хотя не чувствовала голода. Руки действовали сами, будто тело управлялось кем-то другим. Хлеб, масло, нож — всё оказалось на столе, но она даже не помнила, как взяла их. «Я просто должна что-то делать», — думала она, намазывая масло на хлеб. Движения были механические, как у заводной бездушной куклы. Даже этот простой ритуал вызывал внутренний протест: зачем есть, если ничего не имеет смысла? Она откусила кусочек. Хлеб казался безвкусным и горьким.

Когда-то они завтракали вместе. Сидели за этим столом и строили планы на день, смеялись над ерундой. Тогда они были счастливы. Эвелин посмотрела на пустой стул Филиппа и вспомнила самый счастливый день в этом доме. Он был ничем не примечательным, но почему-то особенно ярким. Они завтракали на этой же кухне. Филипп рассказывал анекдоты, от которых она смеялась до слёз. Потом они пошли на пляж. Он учил её плавать. Она фыркала, когда солёная вода мочила волосы и попадала в рот, а он смеялся и держал крепко.

— Ты можешь всё, — сказал он тогда.

Она вспомнила, как он обнимал её, защищая от волн. Как полностью доверяла ему. «Ты можешь всё», — пронеслось в голове. Но Филипп ошибался. Она не смогла удержать его и теперь не могла забыть. Она осталась одна, и пустота вокруг становилось удушающей.

Недоеденный хлеб был отправлен обратно на тарелку. Солнечный свет пробивался в окно, рисуя на столе причудливые узоры. Она провела пальцем по одной из светлых полос, словно пытаясь ухватиться за неё. «Мир продолжает идти вперёд. Но почему я чувствую, что застряла на месте?» Эвелин поднесла к уху ракушку, надеясь, как в детстве, услышать шёпот океана. Но услышала лишь оглушительную и давящую тишину. «Вероятно, это и есть моя новая жизнь, — думалось ей. — Пустота и тишина». Эвелин бросила тарелку в мойку и вышла на террасу. Опустившись на диванчик из ротанга, уставилась на небо. Оно было ясным и безмятежным. Ни одно облако не спешило затмить её боль.

Внезапно зазвонил телефон. Он был давно забыт и сиротливо лежал на журнальном столике в гостиной. А теперь настойчиво и отчаянно врывается в её одиночество. На экране светилось имя: «Мэри».

Эвелин долго смотрела, будто ожидая, что телефон сам примет решение. Наконец, нажала «Ответить».

— Алло, — протянула она устало. Говорить ни с кем не хотелось.

— Привет, дорогая! — раздался знакомый, всегда жизнерадостный голос, который сейчас звучал с искренней тревогой. — Как ты?

Эвелин тяжело вздохнула. Вопрос был простым, но ответ — неподъёмным.

— Никак... — наконец выдавила она из себя.

— Послушай, Эвелин, — мягко продолжила Мэри. — Я знаю, что тебе тяжело. Но ты не можешь вечно сидеть в одиночестве в четырёх стенах. Давай встретимся? Позавтракаем в городе, поболтаем. Мне кажется, тебе нужно немного отвлечься. Пора возвращаться к жизни!

Эвелин колебалась. Она не хотела оставаться дома, но чувствовала себя совершенно не готовой к общению. К людям. К суете.

— Хорошо, — после паузы согласилась она. — Где и во сколько?

— В нашем кафе через час? Ты помнишь, где оно?

— Да, помню. Увидимся.

Эвелин положила телефон и глубоко вздохнула. Она знала, что Мэри права. Ей нужно отвлечься, хотя бы ненадолго. Пусть это будет короткая передышка между приливами боли.

Спустя полчаса она спустилась в гараж. Не переоделась, даже не взглянула в зеркало. Машина Филиппа стояла тут же — немой памятником ожиданию без надежды.

Она провела рукой по капоту. Он был холодным.

— Твой хозяин больше не вернётся, — произнесла она, скользнув взглядом по кузову, израненному, как поле после битвы. Царапины были от бордюров, вмятины — от столбов. Трещина на фаре — от парковки в три приёма, а то и в семь. Эвелин усмехнулась. Горько, но с тенью былой нежности.

Филипп водил так, будто учился по пятиминутному видео на YouTube прямо перед выездом. Цеплялся за руль руками, словно собирался оторвать. Сиденье задвигал так далеко вперед, что колени упирались в руль.

— Ты сейчас подбородком о стекло ударишься, — ворчала она. А он лишь улыбался:

— Зато лучше видно, — и был абсолютно уверен в своей правоте.

Двигатель отозвался ровным, знакомым гулом. Эвелин любила водить. Для неё машина была не просто железом, а верным другом, готовым умчать хоть на край света. Пока асфальт пел под колёсами однообразную песню, мысли Эвелин снова и снова возвращались к Мэри. Она отчетливо слышала её голос. Резкий, чуть насмешливый, но такой родной.

Они сидели за столиком на летней веранде, — внутри не было свободных мест. Мэри, отхлебнув латте, пристально уставилась на Эвелин.

— Ты выглядишь уставшей, — констатировала она без предисловий. — Прости за грубость, но вид у тебя жалкий. Этот свитер будто с чужого плеча. У тебя денег хоть отбавляй. Образованная, начитанная. Черты — правильные, глаза — красивые, фигура — ладная. Не то, что я — дочь фермера, перестригшая тонну грязных волос, чтобы стать той, кем я стала, — она отставила чашку. Идеально покрытый лаком ноготь отстучал по фарфору чёткий, нетерпеливый ритм. — Эвелин, что с тобой происходит? Я перестаю тебя узнавать!

Эвелин выдавила нечто, напоминающее улыбку. Пальцы сами потянулись к старой золотой цепочке на шее. Подарок Филиппа. Вечный талисман. Якорь в мировом океане. Всё остальное, особенно нынешняя жизнь, казалось театральной декорацией. «А что, если я и вправду исчезла? — пронеслось в голове. — Может, это моя тень ходит по дому, готовит ужин и улыбается, когда нужно?»

— Работа, дом. Дом, работа, — вздохнула она. — Порой кажется, что помогая другим распутывать их жизни, сама застреваю в болоте.

Мэри помолчала, давая словам осесть, а потом наклонилась так близко, что Эвелин почувствовала лёгкий аромат её духов.

— Ты всё ещё мечтаешь о ребёнке? — шепотом спросила она.

Слово «ребёнок» вонзилось в грудь чем-то тяжёлым и колючим.

«Я же не просила многого, — зазвенело в висках. — Всего лишь, чтобы кто-то звал меня «мамой». Чтобы в доме звучал детский смех, а не эта гробовая тишина, которую в три часа ночи разрывает только звук рояля».

Эвелин опустила глаза. Эта тема была открытой раной.

— Дети — это не вопрос возраста, — тихо сказала она. — Это вопрос времени. У нас его вечно нет. Филипп считает, что не готов стать отцом.

Её пальцы сжали цепочку так, что металл впился в кожу. Мэри не стала допытываться. Подруга смотрела так, как смотрят на тяжелораненого. С состраданием, осторожностью и лёгким страхом, будто боль была заразной.

Эвелин рыдала в ванной, прижавшись лбом к ледяной плитке, чтобы хоть как-то заглушить пламя в груди. Ей хотелось выговориться, выплеснуть наружу ядовитую правду.

Когда они встретились, Мэри показалась Эвелин странно возбуждённой. Щёки горели румянцем, а глаза сияли. Не дав Эвелин и слова сказать, она тут же выпалила:

— Ты не представляешь, кого я встретила!

Сердце Эвелин дрогнуло и упало. Неужели она видела Филиппа? С ней? В том самом отеле, где он «репетировал»?

— Да? Кого? — спросила она. Голос предательски дрогнул.

— Мужчину своей мечты! — Мэри расплылась в счастливой улыбке. — Женат, к сожалению.

Подруга скривила ярко-красные губы.

— Мы уже почти месяц с лишним встречаемся. Он такой обаятельный! Уверяет, что несчастлив в браке. Как думаешь, он разведётся? Детей, слава богу, нет. Так что всё возможно!

Эвелин сглотнула подступивший ком. В ушах зазвенело. Ей хотелось стукнуть кулаком по столу и крикнуть: «Конечно, разведётся! Скажет, что проснулся после двадцатилетнего сна! Ведь именно так они все говорят».

Но она промолчала.

— Эй, ты меня вообще слушаешь? — нахмурилась Мэри. — Ты вся покраснела. С тобой всё в порядке?

— Да, всё нормально, — выпалила Эвелин, превозмогая пульсирующую боль в висках.

— Кстати, что ты хотела мне сказать? — Мэри нетерпеливо оглянулась, ища официанта. — Где они все, чёрт возьми? Почему так долго?

— Ничего...

— Ты позвала меня, и тебе нечего сказать? — раздражённо заявила подруга. Но вскоре голос Мэри смягчился:

— Давай, выкладывай. Я вижу, что стряслось что-то серьёзное.

Эвелин едва открыла рот, намереваясь излить душу. Описать смех в телефонной трубке, след чужой помады на воротнике. Рассказать о том, что она всего лишь мебель в собственном доме. Но внезапно она передумала.

— Просто соскучилась. Мне одиноко. Филипп вечно на гастролях, а если дома — то вечно занят. Ему не до меня...

— Нашла, о чём горевать! — фыркнула Мэри. — Мне бы твои проблемы! С жиру бесишься, дорогая.

Помолчав, она с лукавой ухмылкой добавила:

— Ладно, давай лучше я расскажу про своего нового фаворита...

Спустя пару часов Эвелин ушла, так и не развязав язык. Она ехала под дождём, не понимая, то ли это небо плачет над её горем, то ли это её собственные слёзы текут ручьём. Связь Мэри с женатым мужчиной резала по живому, вызывая глухую, почти иррациональную злость.

Прошло несколько недель. Мэри позвонила, почти плача:

— Какой же он подлец! Лжец! Этот козёл использовал меня!

Эвелин тогда почувствовала острую, щемящую жалость к ней. «Может и Филипп одумается», — решила она тогда.

«Все мужчины — сволочи», — такими были слова Мэри в тот вечер.

Эвелин уже подъезжала к знакомому кафе. Те же чашки, тот же столик у окна. Та же невысказанная правда, что навсегда останется внутри.

В зале было многолюдно. Чуть замешкавшись в дверях, Эвелин встретила милую официантку Элис, которая только своим присутствием уже украшала это место. Молодая, с густыми чёрными волосами, собранными в небрежный пучок, со смуглой кожей. Карие глаза и мягкость в движениях выдавали южное происхождение, которое нельзя было скрыть даже униформой.

Эвелин подошла к маленькому столику у окна и села, поставив сумку рядом со стулом. Увидев Эвелин, Элис радостно поспешила к ней.

— Здравствуйте, Эвелин. Как я рада вас видеть, — воскликнула она. — Давно не были. Вам как обычно? Кофе с молоком и тост с авокадо?

— Да, спасибо, Элис. Как твои дела? Все ещё здесь?

— Всё хорошо, спасибо, — ответила девушка, потупив взгляд. — Только наверное скоро придётся искать другую работу. Няня ушла, а дочку сюда приводить нельзя.

Эвелин задумалась. Элис стала той единственной соломинкой, за которую можно ухватиться, чтобы не завывать от тоски.

— Хочешь работать у меня? Живу одна. Муж... Недавно скончался. Нужно разобрать его вещи, помочь по дому. Мне необходимо сосредоточиться. Иначе сойду с ума.

— Ой, простите...

Элис смутилась.

— Примите мои соболезнования! Да, я бы очень хотела!

— Тогда договорились. Можешь начать завтра? Вам с дочерью места хватит. Дом на берегу.

Элис просияла.

— Спасибо, — вырвалось у неё, и на смуглых щеках забрезжил румянец. Она достала блокнот, чтобы записать адрес.

В этот момент в кафе вошла Мэри. Как всегда ухоженная и уверенная, с хищным блеском в глазах. Её русые волосы струились. Ярko-красный брючный костюм заставлял жмуриться. Каблуки отбивали чёткий ритм по полу, словно отсчитывая её успехи. Раньше Эвелин всегда думала, что подруга непременно надевает туфли на шпильке даже под домашний халат.

— Эвелин! Как же я рада тебя видеть! — воскликнула она, подходя к столику.

— И я рада, — ответила Эвелин, поднимаясь навстречу.

Мэри обняла её крепко, по-настоящему. Так обнимают тех, кого не видели очень давно и в ком чувствуют незаживающую боль. Затем она похлопала её по спине, расцеловала в щёки и уселась рядом. Облако сладковатого и очень дорогого аромата окутало Эвелин. Это был запах той самой жизни, где было полно места для безумной радости. Той жизни, что Эвелин когда-то считала своей, пока всё не стало серым.

— Как я соскучилась по тебе! — Мэри заглянула в глаза так, словно искала что-то важное на дне души. Эвелин улыбнулась:

— Я тоже.

Завтрак прошёл в непринужденной обстановке. Мэри рассказывала о своих клиентах, о новых проектах. О том, как ей пришлось попросить уйти женщину с пуделем в сумочке. Эвелин слушала. Кивала. Иногда проводила пальцем по краю чашки, будто проверяла, не треснула ли она. Вставляла короткие комментарии: «Да?», «Правда?», «Забавно». Эти односложные реплики, очевидно, звучали со стороны нелепо.

Вдруг Мэри замолчала. Тихо положила ложку на блюдце.

— Эви, — настойчиво произнесла она. — Ты выглядишь плохо.

Эвелин медленно подняла уставшие глаза.

— Тебе же не привыкать, — бросила она сухо, глядя в окно.

— Я не про морщины, — усмехнулась Мэри. — Я про глаза. Ты бледна. На тебе лица нет. Она слегка сжала её руку.

— Поедем ко мне? Побалуем тебя немного. Смена имиджа — это как новое начало.

Вместо ответа Эвелин просто пожала плечами и надула губы. Подруга засмеялась:

— Ты похожа на капризного ребенка, прячущего слёзы. Помнишь нашу первую встречу? — голос Мэри зазвенел, как бокал с игристым вином. — Ты была такой жизнерадостной красоткой! Волосы — шёлк, смех залиvistый!

Она прищурилась, словно пытаясь сквозь годы разглядеть ту женщину со счастливыми глазами. Потом добавила с лукавой усмешкой:

— А какие чаевые ты мне оставила! Помнишь, Эви?

Эвелин покачала головой.

— Сто долларов! За стрижку и чашку кофе! Я думала, ты ошиблась... А ты просто махнула рукой и сказала: «Ты заслуживаешь большего».

Мэри громко и радостно захохотала. В этих беззаботных переливах Эвелин вдруг услышала отзвук собственного смеха, давно забытого. Что-то дрогнуло глубоко внутри. Та щедрая, уверенная, молодая женщина, какой она когда-то была, все ещё пытается выжить под толстым слоем усталости и разочарования.

— Да, были времена... Ты мне сразу понравилась!

— Подруга, ты у меня — уникальный человек! — воскликнула Мэри, обняв Эвелин за плечи и чуть встряхнув. — Я ради тебя готова горы свернуть! Ну, пойдём! Соглашайся. Сделаю из тебя принцессу!

Чуть поколебавшись, Эвелин кивнула. Через час они вышли из кафе. Официантка Элис вежливо попрощалась и помахала рукой.

— Хорошая девушка, — заметила Мэри. — Только боюсь, хлебнёт она горького с лихвой. Слишком добрая, слишком открытая. Таких жизнь ломает, как спички.

— Кстати, — распахнув дверь машины, Эвелин остановилась. — Я взяла её к себе домой. В качестве домоправительницы.

Мэри удивлённо раскрыла рот.

— Без рекомендации? Ты что?!

— Ей не нужна рекомендация. Она уже давно себя зарекомендовала. Ей здесь не место, если честно.

— Возможно, — Мэри задумалась ненадолго и продолжила: — Зайду как-нибудь к тебе. Посмотрю, как она справляется. Ты не против?

— Да, конечно, заезжай. А успеешь? Ты ведь вечно в активном поиске...

— Для тебя найду время, — усмехнулась Мэри. — А мужиков полно, хоть одним местом ешь. Только вот есть-то не так уж и хочется. Аппетит начал пропадать, да и зубы не те...

Вернулась домой Эвелин ближе к вечеру. Преображённой. Волосы были аккуратно уложены, кожа сияла после массажа и масок. Мэри заставила её раскошелиться на новое платье. Отражение в зеркале показалось чужим: другой оттенок волос, другой силуэт платья, другой изгиб бровей. Рука сама потянулась к шее, где годами покоилась тонкая золотая цепочка — первый серьёзный подарок мужа. Там было пусто. Эвелин сняла украшения в салоне и забыла надеть. Не вспоминала до сих пор. Она посмотрела в глаза этой странной даме, которая неуверенно переминалась с ноги на ногу.

— Я не смогу забыть его, — прошептала она плоскому стеклянному двойнику. — Но, может, научусь с этим жить? Или научусь жить вопреки?..

Впервые за долгое время она позволила себе в это поверить. Так же, как верят в то, что завтра взойдёт солнце.

Глава

VIII

Раннее утро окутало побережье мягким золотистым светом.

Солнце только-только поднялось над горизонтом. Наполненный солью ветерок и свежесть нового дня обещали что-то хорошее. Элис хотела в это верить, заглушая привычное тревожное бормотание в голове: «Ничему хорошему не верь, чтобы не было больнее падать».

На заднем сиденье такси она крепко сжимала маленькую ладошку дочери. Лиз — точная копия матери, только с двумя аккуратными косичками — не умолкала ни на минуту.

— Мама, смотри, какие высокие деревья! Они как великаны! А там, видишь? Скалы! Как будто кто-то их специально вырезал из камня!

Лиз тыкала пальцем в окно. Её голос звенел от восторга, будто она впервые увидела мир. Элис улыбнулась, глядя на дочь, и тоже повернулась к окну. Узкая асфальтированная дорога петляла между скалами, заросшими соснами, которые могучими корнями цеплялись за каменистый склон. Вдалеке виднелись волны, разбивающиеся о прибрежные утёсы. Белые барашки пены сверкали в утренних лучах.

— Это место такое красивое, правда? — сказала Элис, погладив дочь по голове.

— А мы будем жить прямо здесь, у моря? — спросила Лиз, широко распахнув глаза.

— Да, солнышко. Мы будем жить в доме у самой воды. И сможем каждый день ходить на пляж. Тебе понравится, обещаю.

— И мы больше не вернёмся в нашу страшную комнату без окон?

Таксист бросил быстрый понимающий взгляд на зеркало заднего вида. Элис оторопела.

— Надеюсь, нет, — тихо ответила она, сжав пальцы дочери. — Давай думать о хорошем?

— Да, мама. Я хочу жить, как все. В хорошем месте. Мам, давай в этот раз постаремся удержаться? Я помогу... А та тётя, которая пригласила нас к себе, не злая? Она не прогонит тебя из-за меня?

— Что ты такое говоришь, — сказала Элис, притянув дочь к себе. Как раз из-за тебя нас и пригласили. Главное, как я уже тебе сказала, — шепнула она ей на ухо, — не путайся у неё под ногами и ничего в доме не трогай без разрешения.

Лиз серьёзно кивнула. Как взрослая.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Элис, поцеловав пухлую щечку.

Машина свернула на узкую гравийную дорожку, которая вела к большому двухэтажному дому. Кузов мягко покачивался. Колёса приятно шуршали по камешкам. Элис глубоко вздохнула, чувствуя лёгкий трепет. Она была давно знакома с Эвелин и всегда восхищалась её спокойствием и мудростью. Теперь судьба давала шанс начать всё заново. Быть рядом с дочерью и работать в этом удивительном месте.

Когда они остановились, Элис достала из багажника сумку с вещами и взяла Лиз за руку.

— Пойдём. Посмотрим наш новый дом, — сказала она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Дверь была закрыта. На стук, сначала робкий и осторожный, потом чуть более громкий, ответа не последовало. Оставив свои вещи у крыльца, они с дочерью решили спуститься к океану. Тем временем Эвелин, погрузившись в себя, любовалась ими из окна спальни, не решаясь нарушить картину их простого счастья.

Пляж встретил мягким песком и тёплым океаном. Лиз сбросила сандалии и побежала к кромке воды, где волны ласково облизывали берег.

— Мама, смотри, какая классная водичка! Можно поиграть? — радостно крикнула она и, не дожидаясь разрешения, плюхнулась в воду.

Элис улыбалась, наблюдая, как дочь восторженно бегала по мелководью. Она села на песок. Вдалеке виднелся одинокий силуэт серфингиста. Он ловил волны, будто в их пене искал что-то ценное. Неподальку малыши возились с совочками и ведёрком. Рядом с ними на расстеленном полотенце сидела пожилая женщина. «Кажется, няня. Не похожа на бабушку», — отметила про себя Элис. Глядя на неумелые детские попытки построить башню из сухого песка, она вспоминала своё детство.

Впервые ей удалось увидеть океан в семь лет. Стоя босиком на холодном песке, она сжимала в кулачке кусок хлеба с маргарином. Это было всё, что осталось от обеда. Мать сидела на складном стульчике метрах в десяти. Курила и смотрела вдаль. Будто надеялась, что волны унесут её отсюда. От долгов. От мужа, ушедшего к продавщице из 7-Eleven. От дочери, у которой всегда куча вопросов.

— Не бегай далеко, — доносилось недовольное ворчание. — Утонешь, потом придётся ещё за твой выловленный труп платить...

Матери давно не было в живых. Умерла во сне, отравившись одеколоном. Оставила дочь-подростка в съёмной лачуге. Из родных, кроме отца, жившего с другой женщиной, никого не осталось. У него была другая семья, свои заботы. Не очень-то ему было приятно, когда Элис приезжала навестить. «Ты — копия своей матери», — говаривал он. Непонятно, что он при этом чувствовал. То ли жалость, то ли ненависть. Скорее всего, второе. Иначе бы не ушёл.

А теперь она сама, как и её мать тогда, сидела на берегу океана. Тоже с дочерью.

— Как красиво, — прошептала Элис, глядя на океан. Чистый песок, вода ласкает ноги. Лиз смеётся, догоняя волну. Сердца коснулось давно забытое, окрыляющее ощущение лёгкости бытия. Вот оно — счастье. Не в количестве денег ил вещей, а в этом беспричинном веселье на фоне океана. В возможности дышать полной грудью и не бояться завтрашнего дня. «Господи, спасибо, — повторяла она про себя, — за этот шанс, за этот берег, за эту маленькую, храбрую ручонку, вверенную мне».

Вскоре дочь вернулась к ней. Подол чистого, недавно выглаженного платья был мокрым, с рук сыпался песок, а лицо сияло от удовольствия.

— Мама, я хочу жить здесь всегда! — заявила она, танцуя вокруг неё, будто балерина в невидимом театре.

— Лиз, будь осторожна, — сказала Элис, улыбаясь. — Если будешь так прыгать, можешь споткнуться и упасть. — Лучше пойдём. Вдруг Эвелин уже вернулась.

— Да, мама, — ответила Лиз с готовностью. — Пойдём...

Они взялись за руки и направились в сторону дома. Мимолётный флёр хорошего настроения улетучился, когда Элис вспомнила, что таксисту пришлось отдать чуть ли не всё, что было. Тревога и сомнения снова охватили душу, заставляя всё внутри сжаться. Но по привычке она тут же взяла себя в руки.

Маленькая ладошка крепко сжимала мамину руку. Быстро перебирая ножками, девочка то и дело бросала на мать восхищённые взгляды.

Когда они подошли к крыльцу, дверь была открыта. Элис постучала, прежде чем услышала знакомый голос:

— Заходите!

Войдя в дом, Элис огляделась. Внутри было просторно, но опытный глаз заметил накопившийся беспорядок.

— Здравствуйте, — приветливо поздоровалась она, глядя прямо в глаза Эвелин. — Вы сменили причёску? Вам очень к лицу. Похорошели! Вас не узнать.

Хозяйка дома стояла в гостиной с чашкой горячего кофе в руках. Её глаза всё ещё были немного затуманены, видимо, после бессонной ночи.

— Спасибо, — поспешила поблагодарить Эвелин, смущённо трогая волосы за ушами. — Вчера подруга колдовала, — попытка пошутить неожиданно стала выглядеть как оправдание. Бросив взгляд на Лиз, она улыбнулась.

— Здравствуй, малышка! Давай знакомиться. Я — Эвелин, а тебя как зовут?

— Лиза, — радостно ответила та.

— Ты очень милая, — сказала Эвелин, слабо улыбнувшись. — Надеюсь, мы подружимся.

— Даже не сомневаюсь, — уверенно произнесла девочка, разведя загорелыми руками.

Эвелин рассмешил ее ответ.

— Ах, какая смышлёная! Ты уже мне нравишься!

— Вы мне тоже понравились. Вы хотите улыбаться. Добрые люди всегда улыбаются. Но глаза у вас грустные почему-то...

Эвелин и Элис переглянулись. Элис виновато пожала плечами.

— Я не грущу, просто не выспалась. Кстати, видела, как вы спускались к берегу, — сказала она, уже обращаясь к Элис. — Прости, я не слышала, как вы приехали. Надо было позвонить.

— Я не хотела зря беспокоить, — ответила Элис, испытав стыд за своё смущение. Что ж. Первый блин комом.

— Пойдём, покажу вам вашу комнату, — сказала Эвелин, ведя их по коридору.

Спальня, куда Эвелин их привела, была светлой и просторной. Большое окно выходило на океан, а кровать была застелена белым покрывалом. На полу лежал маленький пушистый ковёр шоколадного цвета.

— Вот ваша комната. Можете обустраиваться. О работе потом поговорим, — мягко произнесла Эвелин и ушла, оставив их одних.

Лиз сразу залезла на кровать. Подпрыгивала, как мяч, и заливалась смехом.

— Мама, я хочу жить здесь всегда!

— Лиз, нельзя прыгать на кровати, ломаешь! Потом нам придётся платить за ремонт.

Лиз сразу перестала прыгать. Она поправила покрывало своими маленькими ручками.

— Прости, мамочка! Я больше не буду.

Несмотря на волнение, Элис чувствовала себя спокойно. Этот дом, этот океан — всё казалось началом чего-то нового и важного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.